

Максим Миранский

«По сопкам да по
старицам».

Москва, 21 апреля
2004 года.

«По сопкам да по старицам».

Максим Миранский,

Москва, Химки, 21 апреля 2004 года (правка 01.04.11).

Невостребованные вектора российской истории:
материалы к парадигме И. Н. Данилевского.

To my little Sir Andrew,
For the meaning of his name
I believe he'll prove all right.

Эпиграф 1: «Коричневый мне не идёт».

Марлен Дитрих в ответ на вопрос, почему она отклонила приглашение Йозефа Геббельса вернуться в Германию, чтобы жить и выступать с концертами на родине.

Эпиграф 2: «Они проиграли, а мы выиграли. Многие считают такую философию поверхностной. А вы как думаете?».

Рональд Рейган –Дику Чейни,
10 ноября 1989 года.

Эпиграф 3: «Парадоксально, но чем более претенциозными и абстрактными становятся трактовки естественных прав человека, тем больше вероятность, что, в конце концов, все эти свободы будут попораны».

Маргарет Тэтчер.

Эпиграф 4: «Это настолько в опыте у нас, настолько в крови. Ведь лежать легче, чем ползать. Ползать легче, чем сидеть. Сидеть легче, чем стоять. А стоять, конечно же, легче, чем летать. И –главное –никаких усилий!».

Виктор Шендерович.

ПО СОПКАМ ДА ПО СТАРИЦАМ.

Автор этих строк ни разу не был в Сибири. Но из рассказов тех, кто бывал, я вынес впечатления, вскоре обретшие форму неотступной мысли. Сибирь двоичная. Первоначально вас захватывает необозримость, неохватность её пространств. Куда ни глянь – всюду бесконечность: бесконечны величественные реки, бесконечны грандиозные леса, бесконечны уходящие за горизонт поля, бесконечны людские беды и поиски. Бесконечность убаюкивает вас: выступая вездесущим мерилом, всякий поступок ваш она равняет с отсутствием оною. В бесконечности легко затеряться и заскучать. Однако это впечатление – впечатление новичка. Стоит только погрузиться в эту бесконечность, преодолев зачарованность, как бесконечность откроется вам совсем иначе. Дурман однородности заставит вас найти систему ориентиров. Так, тайга однородна только для неопытного глаза: потеряться в ней сможет только тот, кто однородность её преувеличит. Да и не стоит искать путевые знаки природы в её однородности; искать их надлежит в мнимости оной. Подобно тому, как путешественники, которым надо преодолеть на своём пути горы, идут не по вершинам и кряжам, а по лощинам и ущельям, так и опытный сибиряк в тайге идёт не по буреломам и трупам, а по сопкам да по старицам. Иначе говоря, находясь в мнимом однородном пространстве, неоднородности, он преодолевает страх перед масштабом стихии. Он твёрдо знает, что, как бы не петляла река, заводя его всё дальше в глубь незнакомого леса, где-нибудь обязательно отыщется либо старое русло (старица), либо, словно ниоткуда, возвышенность посреди болотистого берега (сопка). Характер зарастания старицы подскажет верный путь, а сопка даст обзор, для низин нереальный. И это свобода.

Владимир Жириновский, сразу после выборов в Государственную Думу России в декабре 2003 года, высказался в том духе, что итог этих выборов – победа националистов и левых – отражает не просто ожидания народа, но саму историю России, национальный её дух. Поверхностное образование Жириновского, однако, обширно, и поэтому мы вправе допустить, что он отлично понимал: его послание, слегка насторожившее наших правых, не было рассчитано только на российскую публику. Или даже так: именно стрела, направленная на вполне определённого внешнего слушателя, и заставила правых насторожиться. Но Жириновский ошибся лет на 30 с лишком. Та аудитория на Западе, на которую он рассчитывал, никуда, конечно же, не пропав, тем не менее, ещё в 1970-е годы потеряла и быллой блеск, и былую власть, и, главное, бывшее влияние. Мы, разумеется, имеем в виду тот сегмент консервативного спектра, что, начиная как минимум с 1920-х годов, развивал идеи культурного детерминизма («культура определяет политику»). Для них (в большинстве своём националистов и изоляционистов) Советская Россия была таким же естественным следствием Царской России, как эта последняя – Московского Царства, Опричнины и Смуты. Причём отсюда совершенно не вытекало, что западные изоляционисты были СОГЛАСНЫ с ИДЕЯМИ России. Нет, но они ПРИНИМАЛИ этот ход вещей. Именно их идеологи составили ту школу в советологии, что исходила из «вечности» страны Советов, этим якобы выказывая особую реалистичность. Ещё бытовал термин «сосуществования 2 систем», предполагалось, опять-таки, что «вечного», так как, мол, постольку, поскольку и та, и другая система культурно-исторически обусловлены, то, во избежание «горячей войны», надо признать факт их неизменяемости в основах своих и, стало быть, вечного бытования. Мы знаем теперь, что

факты опровергли эти спекуляции. Даже знаменитый дипломатический прорыв Никсона и Киссинджера в Китае (1972) восходил не к теории вечного сосуществования, а к теории сдерживания, которая предполагала не консервацию статус-кво (скажем, нарушения прав меньшинств в Китае), а скрытую, сиречь мирную, конкуренцию 2 систем. То, что из одной и той же совокупности фактов люди могут сделать диаметрально противоположные выводы, иллюстрировалось знаменитой доктриной Кеннана, которая, исходя так же, вслед за Герценом и Бердяевым, из преемства Московского Царства, Романовых и коммунизма, не постулировала, вопреки изоляционистам, никакого фатализма и вечности коммунизма. Одна из систем – соцлагерь – пошла прахом. «Но пошла ли?» – вдруг да не вдруг спросят нас, как ни странно, а странно это только на первый взгляд, и либералы, и консерваторы, и коммунисты. И вот в этом-то месте мы и окажемся близ нерва проблемы. Либералы спросят так потому, что для них очевиден реванш левых патриотов при Путине. Консерваторы спросят так потому, что они удивились бы скорее обратному ходу событий, если бы Россия за 20 лет как бы свободы преодолела минимум полтысячелетия рабства. А коммунисты спросят так потому, что являются топливом реванша. Но никто, кроме Жириновского, не скажет (а он именно так и сказал), что византийско-азиатский проект ФАТАЛЕН для России. Либералы не хотят расстаться с утопичными догмами о рывке в рынок и демократию (пускай последние выборы порядком отрезвили их), а коммунисты постоянно опасаются либерального реванша (пускай они и верят в свой детерминизм исторических формаций). Задача консерваторов (точнее, сегодня уже неоконсерваторов) сложнее. Если не фатализм, то что?! ЕСЛИ культуру не абсолютизировать (как это делали

консерваторы первой половины прошлого века), ЕСЛИ её не релятивизировать (как это делают ультра-либералы), то НАСКОЛЬКО КУЛЬТУРА ОПРЕДЕЛЯЕТ ПОЛИТИКУ И НАЦИОНАЛЬНУЮ ПСИХЕЮ?

Ведь перед нами мертворожденный пример коммунизма: те, кто абсолютизировали экономику, потеряли её. Когда в странах, переживающих маргинализацию культуры, я слышу стенания об особом пути, ассоциация эта возникает невольно.

Запомним при этом особо, что упомянутый выше пионер доктрины сдерживания (Джордж Кеннан) ещё в 1947 году предсказал появление Михаила Горбачёва именно потому, что считал, что за счастьем советским внутренним диссидентам ходить за моря не надо: КПСС саморазложится, так как начнётся отторжение системы из недр её, управленцами нижнего звена (см.: Киссинджер Генри «Дипломатия», М., Ладомир, 1997, стр. 409). Это важно: зло коммунизма не уступит ни тем, кто смирится с ним, объявив его вечным, ни тем, кто отмахнётся от него, ни тем, кто перейдёт в открытое наступление. Все три доктрины (левого либерализма, изоляционизма и правых ультра) слишком серьёзно относились к коммунизму, чтобы победить его. Только уверенность кеннанианцев в ПОСТЕПЕННОЙ САМОДИСКРЕДИТАЦИИ коммунизма решала дело.

Джордж Кеннан – в этом году мы отмечаем 100-летний юбилей его ВМЕСТЕ С НИМ – это настоящий столп американской умеренности. Крайне характерно именно для американского правого мыслителя: тот, кого пытались выставить ястребом, на поверку ещё с Корейской Войны выступал за предельно ограниченные интервенции Америки за рубежом. Мистически, его предок был полярным исследователем Сибири в XIX веке (именно в его честь и назван Фонд Кеннана, что постоянно вызывает известную путаницу). Ещё до того,

как прибыть в СССР в качестве рядового работника Посольства (с первым послом США в СССР) в 1933 году, он имел опыт учёбы в Берлине накануне прихода Гитлера к власти (1929-1931) и опыт работы в Риге (1932) за 8 лет до Советской оккупации Латвии по Секретному Протоколу Договора Молотова -Риббентропа (1940 и 1939 соответственно). Помимо преимуществ сравнительного метода (Америка -Европа -СССР), «повезло» Кеннану и в том отношении, что он приступил к своим секретарским и переводческим обязанностям (1933) накануне убийства С.М. Кирова (1934), которое, как известно, стало стартовой точкой довоенного периода репрессий (1934-1940, с пиком в 1937). Следующая ступенька карьеры вновь пришлась на переломный для Войны 1944 год (между Тегераном и Ялтой, когда стал ясен военный исход Войны, но отнюдь не архитектура послевоенного мира!). До 1946 года Кеннан работал в Москве в качестве советника. То есть в 1952 году послом стал человек не только выдающихся способностей, но и выдающегося опыта (последний без первых обычно малопригоден!). И опять получается -переломный год: Корея, второй срок Черчилля, год до смерти Сталина. Их встреча с Горбачёвым в 1989 уникальна: получалось, что в 1984 году Тэтчер не открыла, а ПЕРЕоткрыла Горбачёва! Я напоминаю вехи биографии этого одного из самых прозорливых политологов XX века, чтобы показать, что указанные выше выводы его, будь то знаменитая «долгая телеграмма» 1946 года или не менее знаменитые «Истоки советской власти» 1947 года, делались исключительно *bona fides*.

Гуманитарный интервенционизм, ставший фетишем левых либералов со времён Клинтона и первых балканских войн начала 1990-х, подвергался системной критике не раз, но политологи могли отметить симптоматичное смещение аргументов, когда лидерами этой критики с

конца 1990-х вновь стали неоконсерваторы. В отличие от хрестоматийной аргументации изоляционистов времён Адамса, потом Тафта и даже Генри Уоллеса, неоконсерваторы призваны избежать не только утопического проекта внедрения мировой демократии безотносительно к этнопсихологии, но и эксплуатации националистами принципа самоопределения вне мировой истории.

Америку опять спас в этом плане главный лейтмотив её культуры – принцип культурного контрапункта – принцип открытой конкуренции разных точек зрения при полной легитимации оных. Благодаря школе Уолтера Липпмана доктрина сдерживания Кеннана избавилась от утопического мессианства в пользу доктрины ограниченных целей американского вмешательства. А благодаря доктрине Черчилля теория сдерживания обросла культурой переговоров (Ibidem, стр. 419). Синтез 3 доктрин породил реализм Киссинджера и Никсона. И даже радикализм неоизоляциониста Генри Уоллеса остался частью концентрата: он позволил искоренять несоответствия в американской внешней и внутренней политике, так, что даже Уотергейт и Ирангейт не нанесли политике сдерживания фатального удара, а особые отношения с Великобританией возродились при Джордже Уокере Буше и Тони Блэре (Ibidem, стр. 421).

ЧЕМ БОЛЬШЕ КУЛЬТУР ПЕРЕТПЛАВЛЯЕТСЯ В ОДНОЙ НАЦИИ, ТЕМ МЕНЬШЕ ВЕРОЯТНОСТЬ ВЛИЯНИЯ ОДНОЙ ИЗ НИХ НА ПОЛИТИКУ И ЖИЗНЬ, ТЕМ МЕНЬШЕ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ СТЕРЕОТИПОВ ПОВЕДЕНИЯ.

«В 1920-е годы изоляционизм заставил Америку уйти в себя на том основании, что она будто бы была чересчур хороша для остального мира. В масштабах движения Уоллеса это направление возродилось (в 1940-50-е гг. – М.М.), основываясь на предположении, будто Америка обязана уйти потому, что она недостаточно хороша для

остального мира. И всё же, когда Америка впервые взяла на себя в мирное время международные обязательства постоянного характера, где-то в будущем замаячила систематическая неуверенность в себе. Поколение, которое создало «новый курс» и выиграло Вторую Мировую Войну, обладало гигантской верой в себя и в безграничные возможности американской предприимчивости. И идеализм наций оказался как раз к месту для того, чтобы справиться с ситуацией возникновения в мире 2 ведущих держав, для чего хитроумные комбинации традиционной дипломатии равновесия сил были уже малопригодны. Только общество, обладающее огромной верой в свои собственные достижения и в своё будущее, могло направить и свою решимость, и свои ресурсы на достижение такого мирового порядка, при котором были бы умиротворены побеждённые враги, восстановлены силы пострадавших союзников и обращены в истинную веру противники. Часто путь к заветной цели не свободен от определённой доли наивности» (Ibidem, стр. 423).

Баронесса Маргарет Тэтчер, посвятившая свои политологические изыскания с конца 1990-х гг. почти исключительно этой теме о восприимчивости разных культур к атлантической модели общества и экономики, не боится классических контраргументов. Военная неэффективность ООН и неэффективность наднациональных трибуналов, столь катастрофично доказанные после распада титовской Югославии, не могут, с её точки зрения, служить карт-бланшем для новой экспансивности, нового крестового похода за душами заблудших без демократии людей, теперь не под ооновским, а под американским руководством. Тэтчер не сомневается в благородстве МОТИВОВ Америки. Но она не на шутку напугана тем, что под маской крестового похода войска принесут в страны изгои не демократию

вовсе, а убеждённость, что какие-то специальные акции, программы и институты власти (пускай все они и будут американскими), а не культивация традиций местного демократизма, способны помочь народам ощутить, наконец, вкус свободы. Иначе говоря, согласно Тэтчер, вмешательство в дела других наций необходимо тогда и только тогда, когда существует опасность для национальных интересов США; а возможно оно тогда и только тогда, когда нет опасности, что людьми само вмешательство государства будет воспринято как панацея, как способ культивации демократии на местах.

Отсюда и её концепция ограниченности целей гуманитарного вмешательства и её предпочтение фритреда и технологической парадигмы с целью дальнейшей релятивизации всяческого доктринёрства, каковы бы концепции она защищала ещё во времена рейгановских «рейдов на Ливию» (1986), задолго до того, как Бил Клинтон и Тони Блэр развернули перед изумлённым миром своё полотно гуманитарного экспансионизма. Итак, вопрос только в МЕРЕ применимости международных обязательств на уровне суверенных стран в свете необходимости КУЛЬТИВАЦИИ ими прав человека.

"[I do] not mean the 20th century int'l preoccupation with human rights has been a waste of time. It is simply that these documents [of UN] came out of, and were assumed to apply within, an international order based upon sovereign states, whose own governments had the ultimate responsibility to give them effect. And that assumption was surely wise. From all that I have written here [in memoirs], I hope that it is clear that limits upon the powers of government, check on abuses, legal rights and safeguards can never be effective if they are not grounded upon and in conformity with national circumstances, institutions and habits. Constitutions have to be written on hearts, not just

paper (выделение моё –М.М.)” (“Statecraft: strategies for a changing world”, L., N.Y.C., Harper & Collins, 2003, p.256).

“We MAY (выделение автора –М.М.) believe that it is right to intervene to stop suffering inflicted by rulers on their subjects, or by one ethnic group on another: I am sure that it sometimes was, and is. And we MAY (опять выделение автора –М.М.) believe that we should be prepared to intervene in order to preserve our security, or in defense of an ally: I am convinced that we have to show resolution in doing so. But to pretend that the two objectives are always, or even usually, identical, is humbug. The danger of swallowing it is even greater for America as a super power with global interests than for a medium-sized military power like Britain. This doctrine of “international community” à la Blair is a prescription for strategic muddle, military overstretch and ultimately, in the wake of inevitable failure, for an American retreat from global responsibility” (Ibidem, p. 35).

Представлениям о моральной эквивалентности сторонников свободы и тоталитаристов (неоизоляционизм Генри Уоллеса) и о моральной исключительности первых (лево-либеральный интервенционизм и унилатерализм – сами нации для них суть источник агрессивного национализма) Тэтчер противопоставляет онтологическую эквивалентность сторон конфликта (отсюда – избирательный интервенционизм с ограниченными точечными целями)! Возьмите ту же Америку, которая с середины позапрошлого века и по сейчас осуществляет интервенционизм без территориальной экспансии. Это – 2 модели экспансии вообще: архаическая (она же – имперская), когда аниматизация земли приводит к Obsession в отношении земли, и Империя стремится ИМЕННО к территориальным захватам; и новейшая модель, когда экспансия выражается, преимущественно

или даже исключительно, в конкуренции культурных моделей. Вместо того чтобы вынашивать непомерные планы по строительству наций, скажем, миролюбивых арабов или правосознательных китайцев, ДОСТАТОЧНО просто внедрить в эти общества ЧУВСТВО РЕАЛЬНОСТИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ. Отсюда и тэтчеровская не-тождественность гуманитарного и военного интервенционизма. С другой стороны, играть с огнём общественного мнения –лить воду на мельницу изоляционистов. Поэтому Тэтчер выступает одновременно против (Ibidem, P. 38) и тотального изоляционизма, и долгосрочных планов по строительству наций в ходе гуманитарного интервенционизма. Победы над фашизмом, победы в Афганистане и Ираке показали силу именно наций, а не абстрактных наднациональных конгломератов: только нации (Ibidem, P. 38) знают цену безопасности –и готовы платить эту цену. Грубо говоря, национальный политик посылает умирать сына своего соседа. ООНовский политик посылает умирать строчку в отчёте своего военного комитета.

Афганский и иракский примеры, как они ясны теперь, после освобождения этих стран англо-американскими войсками, поставили многих антиглобалистов в неловкое положение. Я сейчас говорю даже не о том, что в основе своей ни афганские народы, ни иракские арабы, персы и курды не стали цепляться за прошлое, и предсказанная критиками США тотальная партизанская война обернулась отчаянными террористическими актами и очаговым сопротивлением. Я веду речь о другом явлении: о стихийном рыночном хозяйстве в послевоенных Ираке и Афганистане и о том, как открыли, что в истории этих стран были не только одни чёрные страницы деспотии и террора. «Оказалось» даже, что существовали невостребованные протодемократические институты, которые тотчас стали возрождать и развивать, ПОКА

ограничиваясь процедурными улучшениями. Классическими примерами служат ЛУЙАДЖИРГА в Афганистане и общинные совещания племён в Ираке. Даже искусственность такого пост-колониального образования, как Ирак, не помешала в 2004 году ни принятию Конституции, ни диалогу конфессий...

Мы называем эти примеры в первую очередь, так как они острые; но, право, в мире куда больше примеров, которые КОГДА-ТО были острыми, а сейчас символизируют ГРАДУАЛЬНОЕ ПРИНЯТИЕ ДЕМОКРАТИИ. Это целый фон примеров сохранения национальной культуры в ходе внедрения капитализма: Япония, маленькие тигры, Китай, Индия, Чили, ЮАР. Есть и промежуточные примеры постепенной эволюции стран изгоев: Иран при Хатами и реформаторах, Куба при нынешней, более мягкой, «редакции» Кастро, Ливия Каддафи после признания своего «следа» в деле Локерби, и даже КНДР Ким Чен Ира, готового «работать» с МАГАТЭ. Чёрный юмор в том, что им, этим народам, едва ли потребуется прямое американское вмешательство, чтобы скинуть обветшалые режимы. ПОСЛЕ ИРАКА... ЭТО ТЕОРИЯ ДОМИНО НАОБОРОТ!!!

Эти примеры ясно показывают... ВОЗМОЖНОСТЬ обнаружения в ЛЮБОЙ национальной психее МЕХАНИЗМОВ освобождения оной от деструктивной мифологии исключительности. Старых же консерваторов чрезвычайно смутили примеры тех стран, где мифологизация этнопсихологии оказалась по тем или иным причинам настолько велика и внушительна, что подталкивала к выводам в духе фатализма. Конечно же, у каждой страны своя цена вопроса: достаточно указать на пример различий в скорости либерализации политики и экономик Восточной Европы и России после 1991 года. В тех странах, где масштаб, глубина и темпы советизации экономики были относительно небольшими,

внедрение рыночных механизмов шло быстрее и более системно. Но советизация, далее, была меньше как раз в тех странах, которые по совокупности историко-культурных причин больше тяготели к Центральной Европе и Западу вообще. Даже характер деятельности коммунистических структур в этих странах отличался известным стремлением минимизировать эту самую деятельность. Рынок там бытовал в карманах полусоветской экономики. Партийное строительство не велось по рецептам Суслова. Это Хорватия, Чехия, Польша и Венгрия. Не прошло и полувека, как эти страны освободились от коммунистического гнёта, не столкнувшись с потребностью реанимации или эксгумации альтернативы: 50 лет полурабства на востоке Европы и 70 лет одного рабства на фоне 500 лет другого у нас – такие пропорции просто не могли не сказаться на реформах в России. Кроме указанных стран и остальные страны Восточной Европы практически сопоставимы сегодня по макроэкономическим показателям со странами СНГ, конъюнктурно уступая России по некоторым из них. Более того: из своих лет рабства они вынесли урок скептицизма в том, что касается единой Европы, и когда угроза мирового терроризма стала очевидной, они, без тени сомнения, предпочли Лондон и Вашингтон, скорее, чем Брюссель, Париж и Берлин. Они предпочли тех, кто научит их учиться свободе, а не тех, кто научит их, как жить; свободу ошибаться и не ошибаться, а не ходульную мораль наднационального бюрократа.

США не вызывают у них ни раздражения, ни исторических страхов.

Подчеркну ещё раз: я пытаюсь занять срединную позицию, не солидаризируясь ни с теми, кто отрицает у англосаксонских народов очевидное преимущество в умении практиковать свободы, ни с теми, кто отрицает у иных народов потребности в свободе (которая, увы, тем

менее заметна, чем прочнее коренятся традиции рабства). Именно неумение схватить эту разницу привело к реанимации в неоконсервативной среде тех дезориентирующих объяснений, что были так характерны для старых консерваторов. Одни защищали и защищают универсальность демократии (Б.М. Парамонов), имея в виду ПОТРЕБНОСТЬ В СВОБОДЕ, а их обвиняют в том, что они защищают универсальность демократии как институции; другие (А.Н. Цветков) говорят о преимуществах англосаксонской модели, имея в виду практическую установку в понимании англосаксами свободы, а их обвиняют в шовинизме!

Обширную публицистику, эссеистику и исследовательские работы указанных интеллектуалов консерватизма см. в ресурсах www.svoboda.org («Русские вопросы» и «Атлантический дневник», 1999-2004).

В этом смысле прав, безусловно, Б.М. Парамонов, когда он говорит о вестернизации России как главном векторе истории оной, но, опять-таки, только, увы, в ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ, скорее, чем в ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНОМ ПЛАНЕ!

Англосаксонская демократия –она как Библия: одна половина человечества уже прочла её, другая готовится сделать это. Либералы в России начала 90-х совершили ту ошибку, что подменили понятия: понятие естественного права (естественного для человека стремления к свободе), с одной стороны, и понятие демократической традиции, с другой стороны. Конечно, современная генетика, вопреки английским эмпирикам, показала, что человек не рождается как TABULA RASA, но английские эмпирики (как, впрочем, и американские прагматисты потом) были правы в том, что, как только ребёнок рождается, и далее всю жизнь человека, традиции окружают его и проникают в него. Если человек воспитывается в рабстве, и если ему постоянно

внушают, что это нормально, то отсюда не следует ни то, что рабство, мол, нормально, ни то, что избавиться от него можно, мол, в одночасье. Таким образом, Запад исключителен не в том плане, что западнику присуще чувство свободы, а всем остальным народам, мол, нет, а в том, что ЗАПАДНИК УМЕЕТ РАСТОРЯДИТЬСЯ ДАРОВАННОЙ СВЫШЕ СВОБОДОЙ. Причём этот уровень –уровень ФОРМЫ, МЕТОДА и ТЕХНОЛОГИИ –настолько важен для ПРАКТИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ СВОБОДЫ, что ПОЧТИ совпадает с ВАЖНОСТЬЮ САМОЙ СВОБОДЫ. Ведь иначе вместо подлинной (подлинно осязаемой) свободы мы получим риторический суррогат, не более. Это что-то вроде сталинской конституции: едва ли какая-то западная конституция была столь же решительна в защите и пропаганде свобод; едва ли какая-то западная конституция была столь же непрактична и неуспешна. Критерий МЕТОДА, критерий ПРИЛОЖИМОСТИ всякой философии ОДНОВРЕМЕННО открывает нам и главную причину российского тоталитаризма (любомудрие вместо внимания к опыту человеческих переживаний), и выход из оногo, коль скоро выход этот не должен нарушить идентичность россиян. Культура метода позволяет сравнивать и моделировать реальности, которые несопоставимы в целом, содержательно, зато сопоставимы по происхождению, форме, общим принципам функционирования систем и т.п. То, что казалось предельной абстракцией, становится залогом прагматизма: МЕТОДОЛОГИЯ приходит на смену диктату своеволия. Так, свободный рынок и межличностные интеракции позволяют преодолевать этнические и конфессиональные барьеры быстрее любой теории об этом. Вот это и смущает многих аналитиков, когда за НЕУМЕНИЕМ воспользоваться свободой (в отсутствие

традиций свободы) они не видят ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ПОТРЕБНОСТИ в ней.

Более того, на индивидуальном уровне раскрепощение может идти на порядки быстрее, чем на национальном уровне. Чем человек свободнее, тем меньше его зависимость от национальных стереотипов. Et vice versa: чем человек менее индивидуален (чем меньше он индивидуалист), тем больше вероятность, что национальные стереотипы подчинят его, будучи усвоенными некритически.

Итак, чем больше опыт и глубже традиции рабства, тем труднее государству практиковать свободу, но отсюда логически совершенно не следует, что рабство имманентно и фатально, что традиции свободы неприменимы, что рабство не противостоит природе человеческой, что, наконец, в истории данной нации не найти и не возродить дотопле помятый уклад свободы.

Сведём же по канве российской хронологии те ПРЕПОНЫ, что, будучи, в большинстве своём, укоренёнными в самых глубинах истории, мешают либерализации России. Мы далеки от намёка на невозможность оной; но мы равно далеки и от очередной леволиберальной авантюры, лёгкое отношение которой к истории сродни её же лёгкому отношению к жизни отдельного человека. Ниже мы сопоставим этим препонам развёртку альтернативы, то есть те феномены, те спящие вектора российской истории, которые, будучи востребованы, МОГУТ помочь нам выбрать свободу.

Историко-культурные препоны к реализации
либерального проекта в России.

1. **Изоляция славян в ходе общеевропейского синтеза цивилизаций Средиземноморья и алано-сармато-готско-гуннского комплекса в V-VIII вв. AD.** И это после значительного по своей продолжительности латентного периода славянского этногенеза (среднеобщеславянский период рубежа VIII века BC -IV вв. AD). В V веке BC началось диалектное дробление и обособление славянских этнических субстратов и балтов. Диалектология и историческая этимология указывают также на значительность иранского фактора, иранской компоненты в российской протокультуре (Иванов В. Вс., Гамкрелидзе Т.В. «Индоевропейский язык и индоевропейцы», в 2-х тт., Тбилиси, 1984; автор пользовался более доступным изданием этого классического труда академика Иванова - Благовещенск, 2002). Ещё в 1960-е годы, благодаря научному критическому источниковедению, удалось доказать и иранское (только частично зороастрийское) происхождение некоторых богов в славянском пантеоне (об иранских богах в русском пантеоне см.: И.Н. Данилевский «Древняя Русь глазами современников и потомков», М., Аспект, в 2-ух тт., 2000-2001, том 1 (IX-XII века), стр. 196-201). Едва ли столь раннее проникновение в нашу протокультуру психолингвальных паттернов (следовательно, культурем!) деспотических образований Древней Персии можно отнести к оптимальному наследию. Так, компаративный анализ стилей математического мышления древних египтян (теория дробей) и древних месопотамцев

(однородность мультипликативного счисления) на примерах истории математики показал, что одной из детерминант египетской культуры была сакрализация индивидуального, целостности оного, в то время как одной из детерминант месопотамской культуры было подавление индивидуального сакрализующей волей богов. См.: Янков В.А. «Типологические особенности арифметики Древнего Египта и Месопотамии», в сборнике «Социокультурная философия математики: стили в математике», СПб., РХГИ, 1999, стр. 265-275. Учитывая прочно установленную связь культурного наследия Эллады (колыбели европейской культуры) и Древнего Египта (через посредство микено-минойской цивилизации), указанное исследование и указанный вывод наделяются самым фундаментальным значением. Сюда же примыкает вопрос о формах власти: даже анализируя древние формы власти, мы ещё раз вспоминаем классический аргумент Джин Кёркпатрик 1979 года о нетождественности монархии, деспотии и тоталитаризма. В этом ряду, если мы сравним политическую историю культурных преемников Египта и преемников Месопотамии, от монархии к тотальной власти возрастает, казалось бы, только мера контроля, но, будучи психологической установкой, контроль (как, впрочем, и самоконтроль) из категории количественной переходит в категорию качественную. Стремление к контролю у одних и стремление к самоконтролю у других (причём, едва ли одно не исключает другое!) характеризует глубинную их интенциональность. Лорд Эктон («абсолютная власть развращает абсолютно») был прав в том смысле, что от установления феномена тоталитарности мы

восходим к ущербности субъекта оной. Et... vice versa!

2. **Феномен местничества, восходящий к древнейшему (патриархальному) культу земли как магического начала, слитого с обитателями оной.** (Летописные тому свидетельства сведены в: Данилевский..., opus citatum, том 1, стр. 111-136 и 143-181.) IV-X века – это уже позднеобщеславянский период. Шло обособление и дробление этнических субстратов уже внутри славян (3 диалектные ветви). До V века славяне колонизировали Приазовье и Северное Причерноморье. В основах колонизации – принципиально – как ни странно – осёдлость. Ничего удивительного, ничего исключительного, впрочем, в экспансии ради осёдлости нет: достаточно обратиться к истории миграций у древних цивилизаций Южной Америки, чтобы убедиться в этом. Аниматизация земли и десакрализация труда только усугубляли изоляцию Руси от античного наследия: достаточно указать на пресловутую проблему дорог. Римская дорога – ведь это не просто материальный феномен. Больше того: именно метафизика дороги (открытость, коммуникабельность) материализует её.
3. **Фактор культурем китайской деспотии.** Жуань-жуани как авары: первые контакты со славянами в VI веке. Здесь применимы те же аргументы, что и в п. 1 (касательно фактора иранской деспотии).
4. **Новая изоляция от Европы.** Вместе с расплывёнными к тому времени аварами славяне дошли к VII веку до Греции. Но в конце VIII века авары были разбиты франками – самостоятельность славян обернулась для них очередной изоляцией. Дунай стал их маркёром, их лимесом.

5. **860-980-е гг.: от письменности до крещения.** Излёт позднеобщеславянского периода: рубеж IX –X веков. Культура письменности сыграла с нами какую-то двусмысленную роль: с одной стороны, тот факт, что Кирилл и Мефодий (861-865) предварили Крещение в Корсуни (989), ранняя монастырская образованность и тот факт, что через посредство Византии Русь получила как бы двойной книжный поток (античный и христианский), всё это сыграло свою конструктивную роль. Здесь, соответственно, и осознанное принятие веры (первая фактическая схизма пришлась на 863 год), и осуждение вычурной аскезы на ранних этапах христианства, и проникновение на орбиту пост-античного мира. С другой же стороны, именно обрядоверие и книжность ранней русской образованности закладывали то, что в православии Позднего Средневековья обострится как проблема слова и дела (вопрос о спасении души словом или делом). Традиционалистский ответ, восходящий к А.С. Хомякову, что православие делает равный акцент и на слове, и на деле, не только не снимает проблему, а обостряет её, так как к излёту XX века стало очевидно, что страны, оставшиеся на орбите православия, НЕ УМЕЮТ практиковать свои возвышенные теории, особенно в части человека. Контраст с западной культурой очевиден: при бедности богословских изысканий философского ряда удивительное доверие к слову у нас; при богатстве схоластики и философии такое доверие к делу у них. И то, и то –своеобразная компенсация в психологическом смысле. Проблема в том, что у нас книжная премудрость эта редко когда проникала в народную толщу, где обрядоверие в отсутствие должной рефлексии порождало суеверие и ещё раз

суеверие. А что такое суеверие, как ни чрезмерное доверие всё к тому же слову, в данном случае – устному? Неумение жить по-человечески (спокойно, буржуазно) компенсировали безапелляционными планами эту жизнь перекроить да переделать. Общая религиозность не развивалась, а всё более напоминала агрессивный изоляционизм патриархальности. Вот почему в 1917 году, по очень жёсткому, но едва ли несправедливому выражению Василия Розанова, «богоносец поднасрал», то есть, богоспасаемость, боговдохновенность, богоизбранность и богоугодность русского народа оказались сильно преувеличены. Да – и нет. Не исключена ведь и обратная трактовка, если учесть, что коммунисты боролись с религиями с запалом религиозных фанатиков (см. также пп. 14 и 15). Воистину язык (письменный ли, устный ли) – меч обоюдоострый. Отсюда – давно подмеченная аналитиками obsессия тоталитарной власти в отношении языка: бесконечные (и обычно неудачные) его реформы, бесконечное стремление контролировать стихию языковой практики своих полуграждан. Вместо того чтобы стать (как это бывает в условиях свободы) инструментом раскрепощения личности (проникновение к механизмам подсознания через языковые структуры), в тоталитаризме язык и самая грамотность выступают инструментами закрепощения (проникновения в подсознание с целью реанимации его мифического сегмента). Вот как эту зависимость роли грамотности от политической модели иллюстрирует академик *Валентин Янин*, крупнейший мировой эксперт по Древнему Новгороду (www.svoboda.org, «Россия как цивилизация», 10.08.2003). «Мы много лет работаем на Троицком

раскопе [Новгорода], постепенно расширяя его, и мы уже очень хорошо знаем, что самым грамотным временем на этом раскопе было время 12-го века. Вот когда наступил 13-й век, в 1207 году было восстание в Новгороде мощное, направленное против бояр Мирошкиничей, которые владели усадьбами, которые мы сейчас раскапываем. Они были изгнаны, на это место пришли люди другого социального слоя, и грамот стало значительно меньше. Так вот на том участке, который сейчас копается, в прошлом году мы дошли как раз до начала 13 века, то есть, мы прошли малограмотные слои. А впереди нас ожидают слои очень грамотного времени. Это не грамотность письменная, потому что письменная грамотность – это церковнославянский язык, это тот язык, на котором до сих пор в церкви читаются молитвы. А берестяные грамоты – это язык бытовой, разговорный, живой язык. И вот они как говорили, так они и писали». *Елена Ольшанская*, отечественный специалист в области цивилизационной истории, продолжает: "Работы Новгородской археологической экспедиции, которую возглавляет академик В.Л.Янин, в 2000 году ознаменовались чрезвычайно важным открытием. 13 июля в древнем Людином конце Великого Новгорода на Троицком ХТТ раскопе (руководитель А.Н.Сорокин) в слое первой четверти XI столетия была обнаружена необычная книга с текстами, написанными на воске. Она состоит, согласно исследованию Джона Хантера (английского специалиста по определению пород археологической древесины) из трех липовых створок величиной 190 x 150 x 10 мм. Книгой пользовались не один десяток лет, в чем убеждает

ее большая изношенность. Двадцати-тридцатилетнему возрасту книги не противоречит уровень писарского мастерства проповедника. Писал он, вероятнее всего, не разогревая писала, в весьма теплом помещении или в жаркий день. Он успевал быстро и безошибочно, написав букву, выволить из воска острие писала и тут же начать им выводить новую букву. На восковой рукописи в нескольких местах видно, как писец спешил, оставляя острием на воске короткие отчерки, следы перехода от знака к знаку, словно в скорописи, хотя характер древних букв ближе к печатным. Такой предстала перед исследователями эта древнейшая в славянском мире датированная книга, именуемая ныне на разных континентах как Новгородская Псалтирь (выделение моё –М.М.)". В раскопках и последующем анализе книги участвовал и выдающийся отечественный реставратор Владимир Поветкин. Академик Валентин Янин: «Итак, 13 июля 2000-го года. Вот смотрите: началась вторая половина 20-го века в 1951-м году такой находкой (первой берестяной грамоты –М.М.), и закончилась вторая половина 20-го века еще одной такой великой находкой –три дощечки навощенных, и по этому воску записаны были 75-й и 76-й псалмы Асафа, а в конце на последней странице уцелели не стертые до конца строки 67-го псалма Давида. Начало было стерто. Почему? Этот вопрос был исследован доподлинно, и выяснилось, что это было учебное пособие, по которому учитель, священник, учил грамоте своих учащихся. Он писал по воску строки псалмов, ученики списывали, потом стирал эти строки, и по стертым писал следующие псалмы. Ученики списывали, он стирал, писал дальше. И уцелела часть 67-го псалма и заново написанные 75, 76

псалмы. Чем замечательна эта находка? Она относится к 10-м годам 11-го века, это значит, что это самая древняя датированная книга во всем славянском мире. В летописи под 1030-м годом написано, что в этом году Ярослав Мудрый приехал в Новгород из Киева и отобрал триста детей у попов и у бояр, чтобы учить их грамоте. Вот считалось, что с 1030-го года начался процесс массового обучения. До сих пор самой старой книгой славянского мира было Остромирово Евангелие 1057-58-го годов, а эта книга на 50 лет старше. Только что крещение прошло в Новгороде, в начале 90-х годов 10-го века, и спустя каких-то 10-15 лет уже в 10-е годы 11-го века учеба началась. Но самая ранняя берестяная грамота, найденная в Новгороде, относится к 30-м годам 11-го века, [а наш учебник создавался] ещё раньше. Следовательно, кто-то, какой-то новгородец, [очень] умный, додумался до того, что чем тратить на воск, чем возиться с деревянными дощечками, стирать, на них снова писать, проще со ствола березы снять кусок бересты - и пиши. Берестяное письмо было изобретено позднее воскового. А восковое письмо - это вся Европа, это еще идет от античности, эти восковые таблички». Через крещение же к нам проник византизм в союзе церкви и государства. XVII век расширил брешь между Западом и Русью ещё более, так как Запад пошёл по пути всё большей сепарации церкви и государства, в то время, как Русь допускала всё большее взаимопроникновение оных. Нашим лидерам не удалось осознать всю, как это странно не прозвучит, РЕЛИГИОЗНУЮ ЗНАЧИМОСТЬ СЕКУЛЯРИЗМА. Ведь чем церкви меньше (то есть, чем ближе она к церкви невидимой), тем она, в

условиях современных вызовов, устойчивее. Парадокс для многих: религиозность американцев устояла после секулярной и сексуальной революции; без оных наша религиозность рухнула и «возрождается» ныне в жёстком национализме. Отсюда – 3 этапа для постепенной либерализации и вестернизации России. Светскость приходит не сразу. Сначала люди должны почувствовать, что глобализация не требует от них поступиться национальным достоинством и национальной самобытностью, а только принять общие правила игры в интеракции народов, не на уровне содержания, а на уровне формы жизни измениться навстречу другим нациям (спорт, хай-тек, фри-тред, поп-арт – четыре кита глобализма мировой культуры). Этот этап Россия ещё только осваивает. Ко второму этапу – принятию светскости как высшей формы выражения этих форм и как провокации к развитию религиозного разума – перешли, например, Турция и Малайзия. Но самый интересный этап проникновения принципов атлантизма в мире – это таинственный этап проникновения ЦЕННОСТЕЙ атлантизма через указанные ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ, такого проникновения, какое никогда не случилось бы прямым путём, на манер парламентской демократии где-нибудь в Судане. Этот третий этап вполне освоен такими странами, как Япония, Тайвань, ЮАР. Так, с принятием необходимости свободного обмена товарами (фритред) ты поневоле задумываешься над правилами торговли, которая, соответственно, становится всё более цивилизованной. С принятием такой формы взаимодействия, как хай-тек, ты узнаёшь все преимущества культуры метода, культуры отношений, культуры применимости науки и

философии к жизни граждан. С принятием такой формы самовыражения, как поп-арт, ты учишься терпимости и т.п. То есть, то, что ещё вчера воспринималось неопитом как абстрактная метода (компьютер, негоциация, прочая), сегодня, без культурного шока, но спустя латентный период, имплантируется в самую ткань национального бытования, обогащая, а не отрицая оное. А если, скажем, принцип «честной игры» в торговле станет твоим принципом, так ли уж будет важно, что его вводили Адам Смит и Локк, а не Граф Безбородко.

6. **Вновь проблема местничества и осёдлости.** Только восточные славяне не мигрируют в ходе славяно-аварских миграций VII-IX веков. Опять троичное разделение, теперь уже восточных славян (VII-VIII века). Открытие Академиком А. А. Зализняком псковско-новгородского диалекта XI-XII веков – косвенный, но надёжный признак довольно раннего обособления демократической альтернативы в культурном развитии Руси («Древненовгородский диалект», М., 1995). Диалект тяготел к словенскому диалекту и балтским языкам (sic!). Существует даже особый, 4 антропологический тип восточных славян в этом, северо-западном, регионе России (Данилевский, ..., том 1, стр. 37). Это уже признак осёдлости 2 сорта – как механизма выживания, а не аниматизации земли.
7. **Норманнская проблема как «патология общественного сознания» (по Ключевскому).** К этой «проблеме» примыкает и «проблема» происхождения первых киевских князей (Данилевский, ..., том 1, стр. 65). Кий, Щек и Хорив явили собой для последующего восприятия ту же трудность, что и Трувор, Синеус и Рюрик. Начиная с классического спора Михайло

Ломоносова и Герарда Миллера, восприятие оно осуществлялось словно бы по заветам Тредиаковского. Достаточно сказать, что пресловутый этот спор о том, нуждались ли мы в иноземцах для построения раннего государства или нет, завершился через 200 (!) лет после «объяснения» Миллера и Ломоносова! Переходом главы школы «анти-норманистов» академика Б. А. Рыбакова на сторону своих бывших оппонентов (в 1981 году!)! Историю «улучшали» в патриотическом духе вплоть до отрицания великих конунгов. Между тем, хрестоматийные аргументы Миллера не были изолированными откровениями заезжего интеллектуала на августейше одобренной службе: они покоились на прочном основании всей парадигмы Миллера. А парадигма та была для своего времени поразительно прогрессивна: впрочем, учитывая рост «патриотических» визионеров и в новейшей истории России, эту оговорку о «своём времени» можно было бы и снять. О колоссальном МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ вкладе академика Миллера в российскую историю и историософию см. академический аппарат к его «Истории Сибири» (1750-1752), «История Сибири», в 5-ти тт., М., Наука, Восточная Литература РАН, 1999-2005, том 1, стр. 17-65, 461-502. Это и попытки межнаучного синтеза археологии и истории, и история русской экспансии в Сибири, и пионерские работы по имагологии, критическому источниковедению, языковому критерию национальной идентичности, истории материальной культуры, сплошному методу фиксации первоисточников и прочая. Словом, не симптоматично ли, что право на существование приглашённых Новгородом конунгов отстаивал едва

ли не первый у нас демифологизатор истории? Более того: оказалось (если выйти на уровень цивилизационной истории), что импорт первых царей на стадии протогосударственности едва ли не обычное явление на пространствах Европы, не говоря уже о череде иноземных Романовых. И. Н. Данилевский (Данилевский, ..., том 1, на стр. 71-73), генерализуя проблематику, даёт блестящий психологический анализ МОТИВОВ к приглашению чужеземцев на трон.

8. **От «дворовых людей» к дворянству. Сервиллизм и оппозиционность русской интеллигенции.** Самый термин –дворяне, по происхождению своему едва ли содержит и толику того благородства, каковое атрибутировалось ему в Новое Время. Дворяне –это «дворня», люди при ДВОРЕ, «дворовые люди», которые, в довершение ко всему (к их первичному сервиллизму, к их ВТОРИЧНОСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВЛАСТИ), оказались вне системы вассалитета после преобразований Андрея Боголюбского (1111-1174). Когда я слышу очередные горячие (а иногда, увь, горячечные) споры о сервильности или оппозиционности русской интеллигенции, я всегда вспоминаю об этом. И вспоминать о 600-летнем рабстве дворян надо, конечно же, но в первую голову потому, чтобы лекарство выбирать по глубине болезни. Даже реформы Петра III в этой сфере изменили статус-кво скорее юридически и психологически, чем ментально, как показал раскол интеллигенции при Николае I. Дворяне были только одними из участников традиционного противостояния княжеской дружины и городских бояр. Городские бояре не были до XII века достаточно сильны для того, чтобы одерживать в этом противостоянии верх. Слияние (в горниле

вечевой демократии) городских бояр и старшей дружины началось только в XII веке. Тогда же собственно оформилось боярство как страта и появились бояре с земельными наделами. Старшая дружина – это были княжеские бояре (свободные воины, вассалы). Средняя дружина – княжие мужи (несли только военные обязанности, не привлекаясь к управлению, обычно были ровесниками князя). Младшая дружина – дворовые люди (дворяне, полусвободные слуги). В самом деле, это особая проблема – статус нобилитета Древней Руси. Особенно, если учесть, что всё в том же XII веке вече на С/В Руси либо вообще прекращает существовать, либо существенно лимитируется авторитарностью князей (летописи не едины в этом). Вообще XII век на Руси – словно бы подготовил трагедию XIII века. Там, где вече, пускай это и было, как доказал нам ак. Валентин Янин, олигархическое вече, удалось сохранить, там удалось избежать и ига (Великий Новгород). На остальной же территории Руси на смену вече приходит, с одной стороны, сервизм, с другой стороны (а точнее, всё с той же стороны), княжеские распри. Почему я провожу связь, странную, казалось бы, между сепаратизмом и сервизмом? Но разве не психологическая неразрешённость проблемы восприятия власти как таковой привела сначала Владимировичей, а потом и Ярославичей, к розни, когда узурпация власти одними (именно ПОЛНОТЬЮ власти) необходимо требует раболепного обслуживания этой власти другими? Сервизм, однако, не упал на Русь с неба: он был легитимирован в системе централизованной эксплуатации народа (см. Данилевский, ..., том 1, стр. 141). Данилевский (Данилевский, ..., том 1,

стр. 153) последовательно показал даже легитимацию данничества как результат ПРИНЯТИЯ эксплуатации народом. Это было добровольное подчинение насилию. Если до XII века дружина вокруг князя была относительно единой, а князь, по норманнской традиции, был *primo inter pares*, то позднее начинается не только расслоение дружины по статусному и территориальному признаку, но и, что гораздо хуже, построение вертикали власти. Проблема архаического восприятия собственности (на уровне анимизма, аниматизма и партиципации, по Маргарет Мид, Мирче Элиаде, Люсьену Леви-Брюлю и Джеймсу Джорджу Фрэзеру) была показана Данилевским как источник почти тотальной коррупции в России (*Ibidem*, стр. 116-124) и отсылала к теории и проблеме государственного рэкета. Даже если мы не принимаем крайностей теории Тилли и южноамериканской социологии (государство как продукт институционализации и рационализации рэкета), мы всё равно признаём древнейшее, увы, происхождение коррупции на Руси. «Особо следует подчеркнуть, что передача имущества из рук в руки не имела собственно экономического смысла. Мышление средневекового человека вообще, если так можно сказать, аэкономично. В форме передачи и обмена вещами и продуктами в те времена устанавливались, фиксировались и развивались определённые общественные отношения. Поэтому подобный обмен сплошь и рядом был нерациональным с точки зрения стоимости обмениваемых предметов. Это объясняется тем, что тогда для человека ценность имела не сама вещь, а тот человек, который ею владел, и акт передачи её новому хозяину, как таковой. Вместе с даримой вещью к нему

переходила часть удачи, богатства дарителя (с-часть!). Одновременно устанавливались отношения личной зависимости того, кто получал подарок, от того, кто его делал. Поэтому подарки, если человек не желал попадать в подобную зависимость, требовалось компенсировать соответствующими подношениями. Дар, не возмещённый «равноценным» даром, ставил получившего его в унижительную и опасную для его чести, свободы, а иногда и жизни зависимость от дарителя. В результате между дарителем и одариваемым устанавливалась тесная связь: на последнего возлагались личные обязательства по отношению к первому» (Ibidem, стр. 121-122). Итак, одно дело для царя –даровать землю, тем самым и поставив дворян от себя в зависимость (в том числе –через механизм ПОЛЮДЬЯ), и сохранив магию сопричастности с землёй неотчуждённой; и совсем иное дело –отдать землю в частную собственность, которая не только отторгает от царя магию земли, но и просто бессмысленна в рамках описанной коллективистской модели ЗАВИСИМОСТИ. Цари выступали как сакрализованные единоличные собственники земли, прямо или косвенно (сравни: крупные купцы как землепользователи в Новгороде и Пскове). Отсутствие традиций частного землепользования не могло не сказаться на уровне демократии в стране в целом: если насаждение единоличной власти и строгого майората обрушивало фасад и несущие конструкции вечевой демократии, то через узурпацию князем земель из-под ранних вечевых традиций вымывалась самая почва. Конечно, это старый философский, психологический и социально-психологический спор: что определяет

демократию –свобода слова или свобода собственности (на землю –прежде всего), что первично. История Древней Руси, по-моему, решает этот спор в пользу... указания на некорректность вопроса. Конечно, вне Новгорода и Пскова частной собственности на землю не было и до ликвидации вече, но, с другой стороны, признание или непризнание частной собственности на землю, предваряет оно свободу слова или нет, также есть функция от каких-то, точнее, вполне определённых, убеждений. Традиционная российская оппозиция «свобода и воля» очень важна здесь: воля даёт эмоциональный выход, не давая свободы надолго, свободы как института (в том числе –института собственности). От субъекта труда отчуждаются как средства его труда, так и объекты приложения одного. Наступает грандиозная фрустрация, чувство не востребованности, униженности и несправедливости, и это накапливается, разумеется, поколениями. Если человек не частный собственник (иначе сказать, если он не практикует свободу в традициях воплощённого идеала личной свободы), то человек попадает в ситуацию ложного выбора между 2 вариантами реализации инстинкта свободы. Сциллой его становится так называемая воля: это хрестоматийный для русской культуры образ «лихого человека», который, поняв, что в существующих условиях он либо раб, либо ничтожество моральное, выбирает путь прямой проекции спонтанной свободы. Как страшно это не прозвучит, но, убивая, грабя, насилуя, он извращённо реализует погранную государством свободу, свободу, которая не была направлена реальным рынком по социально адекватному

каналу. Харибда: это холодная, декларативная, нечеловечная абстрактность свобод без свободы купли-продажи земли. Самый феодализм на Руси в Средние века довольно-таки сомнителен без одного из классических своих системообразующих признаков, а именно ленного права. Последствия были воистину масштабны: особенно, если учесть историческую связь между зарождением среднего класса и феодальным правом (средний класс – класс частных собственников под охраной закона – зарождается в Англии уже в XV веке на стыке зажиточных цеховых ремесленников, йоменов (зжиточных крестьян) и джентри, сиречь мелкопоместного дворянства). Отсутствие развитого среднего класса, далее по цепочке, ведёт на Руси к асимметрии малых и больших городов. В итоге преимущество получают аппараты обслуживания власти в центральных городах, а не та прослойка хозяйственников, которые цементируют общество в ценностном плане (буржуазная стабильность) и производят конкурентоспособный продукт в экономическом плане. Византийская модель, усугубившая высокомерное отношение к экономике, модель симфонии церкви и государства привела к церковности как государству *sui generis*, ибо церковь должна была в этой модели КАК МИНИМУМ не уступать государству ни в чём. Вот почему, как доказал Данилевский, русскость бытовала и воспринималась в Средние Века не этнически, а, прежде всего, как этно-конфессиональная общность (Ibidem, стр. 170-181). Имперскость выступала как компенсация: когда экономический распад компенсируется «вечным» единством в вере. Обусловленная вертикальной моделью культуры неспособность обрести экономическую

состоятельность, организуя жизненное пространство, компенсируется потребностью в метафорическом доминировании, потустороннем превосходстве. Этимологически, в русском языке слово «Господь» корреспондирует с понятием «господства», а слово «БОГ» – с понятиями «БОГатство» и, обратно, «уБОЖество» (БОГ – это «доля» в санскрите). Подобно тому, как конкретно-экономический труд не был в православии сакрализован, супротив труду души, так и богатство (это следствие конкретно-экономического труда по определённым правилам игры) воспринималось и поощрялось как, в первую голову, духовное. Неприятие материально богатых, таким образом, слишком коренится в национальном опыте и языке русского народа, чтобы преодолеть его в одночасье. Как всякая репрессия естества, репрессия интенции к материальному благополучию породила уродливые формы неизбежной всё же реализации естества (в первую голову, бич воровства). Наиболее же драматично исключительно духовная трактовка богатства манифестируется в связи цезаропапизма и милленаризма (Ib., стр. 180-181). Воистину, строить буржуазное общество капиталистических отношений тогда, когда одной из доминант психологии является ожидание Конца Света (милленаризм), не просто очень трудно, а невозможно. Совсем иное дело – цезаропапизм. Проекция небесной иерархии на земную порождает не только самую жёсткую вертикаль абсолютной власти, но и её, главное, сакрализацию. Сакрализованная власть выступает защитником «благочестия», а ведь только в его лоне «богоизбранный» народ сможет максимально полно осуществить самую почётную из своих миссий – достойно встретить Судный День. Богоизбранность

наводит мосты между царём и народом. Мир – не более чем транзитный пункт на пути в Небесное Царство.

9. XIII–XV: иго (союз Руси и Степи?) и Московское Царство. Споры о том, что мы пережили в Средневековье, иго или союз со Степью, не утихают с тех пор, как только занялась заря российской историографии. Н. М. Карамзин и Л. Н. Гумилёв, занимавшие эти позиции соответственно, суть не только эпонимы процесса, но и выразители парадигм. Преимущество карамзинской школы состоит в том, что она, в отличие от Льва Гумилёва, связала эту проблематику с разгромом Новгорода, что объяснимо: Новгород явился тогда едва ли не единственным анклавом альтернативной модели власти от Гоби до Балтии. Вернее, всё же, анализ Гумилёва, и как раз потому, что «союзники» (и князья, и ханы) равно презирали Великий Новгород. И хотя первый разгром Новгорода и Пскова пришёлся на правление деда и отца Ивана Грозного, Ивана III и Василия III, «выпадение» Новгорода из системы особых отношений Киева, Москвы и Сарая предопределило его судьбу. Так, согласно профессору истории РГГУ Андрею Юрганову (www.svoboda.org, «Россия как цивилизация», 07.07.02): «Это был... исторический выход Дмитрия Ивановича Московского против Мамаю, который узурпировал власть в Золотой Орде. И Мамай, и Дмитрий Иванович на одной иерархической ступени этой самой единой для них золотоордынской государственности. И Дмитрий Иванович не позволил Мамаю себя подчинить, потому что такое подчинение умолило бы его значение как великого князя. Поэтому он выходит не только с желанием биться с татарами, но еще и

испытывает чувства, парадоксальные для нашего сегодняшнего сознания. Он борется за законность в рамках золотоордынского государства (выделение моё –М.М.). Он борется против узурпатора Мамаю, о котором древнерусская летопись написала: "мня себя аки царя", то есть воображает себя царем. Но он не является царем, при нем ханы – это марионетки. И Дмитрий Иванович возмущен, и другие русские князья не понимали, как можно подчиниться такому человеку. Когда Тохтамыш убил Мамаю, он ведь отправил посланников сообщить Дмитрию Ивановичу Московскому, что он убил, он наказал общего врага, значит, врага русских и его, Тохтамыша. Если следовать этой логике, то понятно другое событие. 1382-й год, когда Тохтамыш пошел на русские земли, и Дмитрий Иванович не выступил против татар. Почему он не выступил? Потому что сам летописец говорит о царистских иллюзиях этого самого русского князя Дмитрия Ивановича. Один из летописцев прямо указывает, почему Дмитрий Иванович пошел на север, почему он не стал биться с татарами: "Не подня руки своя против царя". Значит, когда настоящий чингисид появляется на престоле, имеющий полное право быть царем, быть ханом Золотой Орды, вот тогда уже нет сил сопротивляться. Значит, пока еще нет сил, значит все, и русские князья, и монголы пока живут еще в едином государственном пространстве. ..."Москва [уже в XIV-м веке] на неповинующихся ей стала посягать злобою", – это... цитата из летописи. То есть, московский князь, конечно, был сильнейшим и проявлял свою силу очень и очень широко. Это означало, что Москва все время смотрела на другие земли, пытаясь приобрести их; Москва, конечно же,

ломала все удельные, вечевые традиции, сохранившиеся еще от тех старых времен. И она устанавливала тот порядок, который ее устраивал. И в этом смысле московский порядок - это совершенно иной порядок по сравнению, допустим, с тем, который существовал в Новгороде или Пскове. Иван Третий пришел в Новгород, он его подчинил военной силой. Как можно подчинить город, такой, как Новгород Великий? А очень просто: мало снять колокол вечевой, это, конечно, унижает новгородцев, это заставляет их плакать. Но, главное, Иван Третий сделал - взял и переселил всех новгородских бояр в Московскую землю, а туда в Новгород расселил своих служилых людей, которых стали называть помещиками, то есть, помещенными. С этого момента и началась история, кстати, поместной системы. Там впервые разместили служилых людей. Так, если боярин новгородский - это фигура достаточно независимая, свободная, то служилый человек, которому дана новгородская земля теперь на условиях службы, знает теперь, что порядок этот будет проходить красной нитью, так сказать, через эту службу государю». Но был и 2 фактор к появлению Московского Царства, и он не вошел в противоречие с традициями Орды. «В 1453-м году Византия пала от турок, перед этим, под страхом турецкого завоевания, объединившись с католиками. В 1439-м году была принята Флорентийская уния. На Русь ее привез митрополит Исидор, и во время литургии в Успенском соборе имя патриарха заменил именем папы. Затем была зачитана грамота о соединении церквей. Три дня московские власти пытались склонить грека к отказу от унии, а потом арестовали и заточили в Чудов монастырь.

Полгода спустя Сидор ("прелестный", как ядовито называли его в одном из сочинений), бежал в Тверь, а оттуда в Рим. Гибель Византии была истолкована в России как наказание за грех союза с "латынством", а русская православная церковь из своей среды поставила митрополита Иону и стала независимой (автокефальной)» (см. Ольшанская Елена, www.svoboda.org, «Россия как цивилизация», 17-11-02). Характерно, что в то же время ИОСИФЛЯНЕ фанатично выступали и в пользу стяжательства в монастырской деятельности, и в пользу... послушания как главной добродетели монаха. Не успев сбросить не то чтобы тяготившее князей ярмо Орды, они спешат заступить покорённому турками Константинополю в роли светоча народов, но без отказа от византизма в политике! Возьмите и фактор Литвы и Польши: рыцари отлично понимали, что Новгород и Псков не станут, подобно остальной Руси, играть роль своеобразного буфера для Европы перед лицом татаро-монгольского нашествия, а скорее выступят как проводники совсем иных идей и ценностей, касается ли то власти, семьи или торговли. Однако и великие князья понимали это не хуже. Даже если бы экспансии на Русский Север до XVII века (сиречь продвижения новгородцев в сторону побережья Северного Ледовитого Океана вплоть до Урала) не происходило (пускай она и была мирной), самый факт существования анклава свободы был сильнейшим раздражителем. Современный отечественный историк Елена Ольшанская так описывает сопротивление демократических очагов Древней Руси Московскому Царству: «5 ноября 1470 года в Новгороде умер архиепископ Иона, мудрый, осторожный политик, и в городе начались волнения.

«Не хотим за великого князя Московского, ни зватися отчиною его. Волные есмь люди, Великы Новгород. Но хотим за короля Польского и великого князя Литовского Казимера!» Как пишет московский летописец, сторонники «литовской партии» нанимали «худых мужиков вечников», и нанятая за деньги чернь «каменя на тех метаху, которые за великого князя хотят». Весной 1471 года из Москвы в Псков ехал дьяк Яков Шачебальцев с призывом «сложить целование» новгородцам и идти на них ратью. Другие послы были отправлены в Тверь, в Вятку, на Устюг. Вскоре кровавая битва на реке Шелони решила дело в пользу Москвы. Иван Ш-й был умным правителем и опытным дипломатом. Выждав четыре года, в ноябре 1475 года он торжественно отправился в Новгород, свою «отчину» – «миром пировать». Увидев, что великий князь приехал в город с добрыми намерениями, народ ликовавал, тут же нашлись жалобщики, которые рассказали, что не могут найти управы на новгородских бояр, которые «наехав со многими людьми... на две улицы, людей перебили и переграбили». «Наезд» – этот термин был включен в новгородскую Судную грамоту, за наглое применение силы наказывали денежным штрафом. Но что могли бедные против богатых? Государь всея Руси рассудил по-своему: он приказал в тот же день отправить виновных бояр в оковах в Москву. Знатные горожане были в шоке. «Суд на Городище», отменивший вечевые правила, вошел в историю. Вскоре Иван Васильевич начал конфискацию частных, затем и церковных земель, а чуть позже предпринял то, что в XX веке называли «депортацией». Он переселил богатых и сильных новгородцев с их семьями в другие места, а

освободившиеся «поместья» отдал верным москвичам – служилым людям. По преданию, перед Шелонской битвой, решившей судьбу Великого Новгорода, «буря велика» сломала крест на Святой Софии, а в Спасском монастыре на Хутыни «колокола сами о себе звон испущаху». Цит. по: «Радио «СВОБОДА»», «Россия как цивилизация» (24.08.03)/ www.svoboda.org. Елена Ольшанская особо отмечает грандиозные исторические последствия такой политики Ивана III. «Когда царь Николай I по линейке провел на карте ровную черту будущей железной дороги между Санкт-Петербургом и Москвой, великий и мятежный Новгород, старинный торговый город, колыбель русской государственности (именно туда пришел древний Рюрик, из Новгорода перешли в Киев будущие Владимир-Креститель и Ярослав Мудрый), окончательно отошел в историческую тень. Такой победы над ним не сумели одержать ни Иван III, уничтоживший в 15 веке Новгородскую республику и присоединивший ее земли к Москве, ни внук его Иван Грозный, потопивший через сто лет это место в крови. С тех пор единодержавие считается главной русской традицией. Великим Новгород навсегда остался в летописях, песнях, былинах. На археологических раскопках работают студенты исторических факультетов – это их обязательная практика. Земля осторожно, аккуратно просеивается, все находки внимательно изучаются. Сегодня археологи могут рассказать о том, как древняя торговля была связана с политикой, что такое вече, как на протяжении веков изменялся русский разговорный язык и о многом другом» (Ib., 10.08.03).

10. **XVI век: Опричнина и окончательное подавление новгородских вольностей.** Пагуба этих ужасных как по своему масштабу, так и по своему бесчеловечному характеру, событий самоочевидна. Даже взятие Казани (симптоматично, с учётом типологии византизма и ханской деспотии!) не было для Ивана IV столь же значимо. Как и дед, и прадед его, Иван III и Василий II, ставили великодержавные и религиозно-националистические амбиции куда выше избавления от власти Сарая: с 1461 по 1480 гг. это легко хронологически прослеживается. Одно дело: разгром политического врага в рамках **ОДНОЙ** парадигмы власти, совсем другое – разгром **ИНОЙ** модели власти. Однако потом очень и очень долго (вплоть до Александра III!) пришлось выкорчёвывать **ТРАДИЦИИ** свободы: правовое сознание северян, правовые и психологические последствия отсутствия периода ига в Новгороде, некрепостнический характер отношений на селе, ктиторство, подконтрольность монастырей парламенту, межэтническую толерантность, восходящую к первому проникновению славян на Север в V-VI вв. AD, культуру экологического сознания, независимость судебной власти. Как раз к моменту завоевания Новгорода на долю Севера приходилось 60% территории Руси (!). Но мы теряли страну, а не Север. Очень подробно об эволюции Новгорода см.: «Русский Север в XII-XX вв.», М., Наука, 2001; Янин В.Л. «Средневековый Новгород», М., Наука, 1977, 2004; Янин В.Л. «Новгородские посадники», М., 1962 (автор пользовался современным, расширенным и дополненным, изданием – М., 2003); Янин В.Л. «Новгородская феодальная вотчина», М., 1981.

11. **XVII: Смута и раскол.** Внешняя политика Алексея Михайловича полностью воплотила дуальность этой эпохи, когда робкие надежды на либерализацию общественного Уклада, возникшие сначала при польско-католической партии вокруг Лжедмитрия I, а потом в результате мягкой покаянной политики Михаила Романова, были сначала дискредитированы бандой Лжедмитрия II, а потом попорчены ростом ксенофобии при Алексее Романове. Алексей Михайлович стал заложником своего прошлого в том отношении, что его разрыв с друзьями юности – ревнителями благочестия – поставил его поистине перед ложным выбором. Он должен был либо солидаризироваться вновь с раскольниками, но тогда его постиг бы абсолютный изоляционизм, который совершенно не вписывался в имперский экспансионизм, либо как раз наоборот – придать новый импульс своей имперской настойчивости, но ценой церковного раскола. И тогда и он, и Никон (позднее попавший в опалу) выбрали второе. В последнее время два крупнейших отечественных историка культуры (академик Панченко и доктор Эткинд) предприняли системные исследования по истории и психологии сектантства на Руси. Vide: Эткинд Александр Маркович «Хлыст: секты, литература и революция», Хельсинки, Москва, Новое Литературное Обозрение, 1998 [автореферат докторской диссертации]; Панченко А.М. «О русской истории и культуре: сборник статей», М., Азбука, 2000; он же «Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект», М., ОГИ, 2004. Выводы воспоследовали поразительные. На удивление характерно, что на Руси редкие раскольники и сектанты не были ещё более радикальны и

деструктивны в аспекте ксенофобии, юдофобии и мракобесия, чем та официальная церковь, от которой они откалывались и которую они проклинали. Проклинали-то они её, преимущественно, за, на их взгляд, ИЗБЫТОЧНУЮ либеральность. В истории раскола это легко проследить по биографиям лидеров движения, таких, как Протопоп Аввакум и Княжна Тараканова. Если на Западе протестанты критиковали католиков за НЕДОСТАТОЧНЫЙ реформизм внутри Церкви, то на Руси (синхронно) сектанты упрекали Церковь за ЧРЕЗМЕРНЫЙ реформизм. Конечно, сектантское движение на Руси было не только своеобразно, но и очень разнообразно, а потому исключения наличествовали (сравните по степени радикальности и адаптивности 3 ряда в истории старообрядчества: поповцы –беглопоповцы –даниловцы и беспоповцы –филипповцы –федосеевцы –аароновцы, но беспоповцы –филипповцы –бегуны –шатуны). Наиболее фундаментальный на сегодняшний день труд по истории старообрядчества см. профессор Зеньковский С.А. «Русское старообрядчество», М., Квадрига, ДИ-ДИК, 2009, [2 тома в 1 книге]. Не менее своеобразна была и эволюция нестарообрядческих сект. Паче чаяний, именно они проявили большую гибкость в условиях Новейшего Времени (сравните по степени радикальности и адаптивности 2 ряда в истории русских сект: жидовствующие новгородцы –молокане –прыгуны –пятидесятники –духоборы –толстовцы, но хлыстовство –скопчество), а не Русская Православная Церковь, которая тоже обнаружила поразительную живучесть, но уже в силу дальнейшей мифологизации византизма. «Русское сектантство, как и старообрядчество, это реакция

общества на всевластие государства. Если угодно, секты в России - это пускай не имеющие возможность развиваться, тупиковые, но, тем не менее, пути к гражданскому обществу. Каждая из сект - это сообщество, в котором люди решают свои проблемы на основе договора, на основе взаимного уважения». Так Академик Игорь Ионов (Институт Всеобщей истории РАН) обобщает результаты либеральной альтернативы в русском сектантстве (www.svoboda.org, «Россия как цивилизация», 09.12.01).

12. XVIII: ошибки Петра I в методе и их последствия. Как хорошо известно из истории отечественной политической мысли, едва ли не первым яблоком раздора западников и славянофилов был спор о наследии Петра Великого. Для нашей работы интересна позиция таких западников, как И.С. Тургенев, В.Г. Белинский и А.И. Герцен. Они, отдавая должное Петру за содержательность и динамизм реформ, не замедлили отметить, что главное-то, как ни странно, было им упущено. Пётр, привив России реформизм, привил его по-русски. Репрессивный аппарат Графа Толстого, жесточайшие преследования инакомыслящих и инаковерующих, буйный цвет личного деспотизма - всё это дискредитировало как раз то, что можно было завещать поколениям - культуру метода реформизма. Когда ты лишён метода, ты ждёшь подсказчика... Персонология тогдашних реформаторов не изобиловала примерами целостных в указанном аспекте людей, и среди воспетых «птенцов гнезда Петрова» фигуры Брюса и Феофана Прокоповича были куда более одинокими, чем принято считать у историков науки и церкви. Историю, конечно,

делают личности, да, но клянусь, не вакуумным способом. О фундаментальном факторе масонства в становлении Брюса и Прокоповича см. профессор Мацих Леонид Александрович «Братья: история масонства в России», М., circa 2013 [preprint].
Пока материалы доступны:
<http://www.echo.msk.ru/programs/brothers>.

13. **XIX: Николай I, Александр III и Николай II.** Эти три эпонима маркировали политическую реакционность «золотого» XIX века. Подобно тому, как в XII веке княжеские распри похоронили вольности и традиции Ярослава Мудрого, и подобно тому, как в XV–XVI вв. Иван III, Василий III и Иван IV похоронили новгородско-псковские политические и экономические вольности, коим было минимум 500 лет, в XIX веке первым Николай I начал сворачивать компромиссные, но всё же либеральные по своему происхождению реформы Елизаветы I, Петра III, Екатерины II и Павла I, а потом, когда этого показалось мало – и сразу после короткой оттепели 1860-х – Александр III и Николай II окончательно утвердили нашу политику как авторитарную, националистическую и патерналистскую. Ну чем не циклы истории!
14. **XX: красное православие.** «Зловещий» – эпитет едва ли не самый частый в описании этого и вправду непростого века. Но если этот век и был «зловещим» для России, то именно потому, что культурная преемственность в нашей мифологии сказалась тогда особенно остро, что и нашло своё отражение в знаменитой теории «красного православия» Николая Бердяева. Если бы Сталин был менее чуток к народной мифологии (скажем ещё яснее – к мифологическому сознанию русских), коммунизм едва ли пережил бы генералиссимуса.

Но Сталин не хуже позднего Ленина понимал (хотя и иначе), что в патриархальной стране с мощнейшими традициями обрядоверия и обожествления власти «чистый» коммунизм будет дискредитирован. И если НЭП был уступкой капитализму, то сталинские инвенции только укореняли азиатско-византийскую парадигму. Сталин понял, что коммунизм «ВОТРЕКИ» не пройдёт. И тогда он предложил коммунизм как интерполяцию истории, как новую форму выражения древней мифологии. Вот почему при Горбачёве и раннем Ельцине теории о чужеродности коммунизма (А. Б. Зубов) завели нас в тупик: лейкемию мы приняли за грипп. Коммунизм чужероден, но чужероден он природе человеческой и духу человеческому, а тоталитарным традициям византийской «симфонии властей» и азиатской деспотии он отнюдь не чужероден (единственным примером в мировой истории, когда коммунисты пытались насаждать «чистый» коммунизм вне национальной истории – Камбоджа при Пол Поте – настолько чудовищен, что его единственности удивляться не приходится). Но, опять-таки, имеем ли мы дело в политике и культуре с чистым духом?

15. **XXI: реванш красного православия.** Особенно явственно указанная проблематика культурной воронки (когда внутренняя потребность в свободе подавляется мифом о том, что патриархальность и/или «стабильность» есть обязательное условие душевного благополучия) обозначилась при Владимире Путине. Государственники воспарили к высотам политического Олимпа с такой лёгкостью, что искусство их мимикрии при Горбачёве и раннем Ельцине признали и оценили даже самые радикальные из либералов. Тем более что именно

их ряды и поредели из-за этого. Однако и данный реванш левых (уже в самом широком смысле) сил проходит на ином фоне мировой истории, чем переворот 1964 года или, тем более, революция большевиков. Самые средства, к коим прибегают современные государственники во имя своих целей, имеют мало общего с православной ортодоксией, «формулой Уварова» или славянофильством. Меняются правила игры. Деньги – вот наше спасение от полноты левого реванша. Наряду с другими формами проникновения западной цивилизации – высокими технологиями и свободной торговлей – финансы отрезвляют государственников и националистов часто помимо их воли. Во времена СССР такого фактора не могло быть по определению. Сегодня же он становится – и это на фоне всё так же напыщенной и цветистой риторики в духе панславянского братства и прочей патриархальной мумбы-йумбы – едва ли не определяющим во внешней политике России. С одной стороны, кредиты Парижского Клуба и Лондонского Клуба заставляют выдерживать бюджетный профицит. С другой стороны, огромные долги стран СНГ и «Третьего Мира» перед Россией, и вот уже никакой сальной патриотизм П. П. Бородина не мешает его высокому опекуну ставить «дружбу белорусского и русского народов» в прямую зависимость от платёжеспособности первого за газ. Итак, реванш красного православия захлёбывается в потоке идей, денег и технологий современной цивилизации, так как сам становится всё более зависимым от неё. Однако верно и то, что дальнейшее огосударствление РПЦ есть признак не столько эпохи, сколько прошлого.

Векторы либеральной альтернативы.

1. **Крещение Ольги –955 год. Ярослав и Ярославичи: от «Уставов» Ольги до «Русской Правды» Ярослава –отказ от примата обычного права. Съезд Ярославичей.** Эта цепочка событий –описание болезненного процесса становления правосознания – болезненного в том числе потому, что становление это продолжается до сих пор, и отнюдь не всегда с положительным знаком. Обрыв первого этапа политической истории –именно съезд Ярославичей, похоронивший удельно–лествичную систему в пользу вертикального майората (съезд в Любече, 1097 год). Остаётся только сожалеть, что Ольга не крестила Русь: она была ближе к традициям конунгов, и для неё крещение было в первую голову ЛИЧНЫМ решением. Её образ отсылал к столь нехарактерной для позднейшего авторитаризма на Руси черте норманнского уклада, как ранняя легитимация гендерного равенства, вплоть до матриархата и введения женщин в клир. К тому же именно она с её постепенным отказом от обычного права в пользу письменных предписаний законодательного характера стоит у истоков собственно государства у нас. Изустным конвенциям заступала культура закона. Другой очаг древнерусской протодемократии –Псков –также восходил к реформам Ольги.
2. **Вече северо-западной модели (формально –с 28 мая 1136 года в Новгороде, по Данилевскому, том 1, стр. 286; или уже в конце 11 века, по Академику Янину, 1996, 2004, или даже с середины 9 века, по Академику Янину, 1999, 2004).** Едва ли случайно, что рост представительской протодемократической институции в Новгороде сопровождался и

появлением независимого суда, который формировался на основе смешения властей (Смесный («смешанный») суд), и ростом олигархии, скорее, чем монархии (Мишиничи-Онцифоровичи), и генезисом фритреда (так сказать, от Торжка и Вологды до Ганзы). На С/В же Руси, напомним, вече держалось только до XII века. *Валентин ЯНИН*, историк, археолог, академик РАН, руководитель Новгородской археологической экспедиции МГУ, так обобщает результаты почти вековой работы экспедиции в аспекте проблемы князь – вече. «Первое: князь, его люди, не имеют права приобретать какую-либо землю на территории Новгородского государства на правах частной собственности, то есть, феода княжеского здесь нет. Этой землей могут на основе частного права владеть только сами новгородцы. Второе ограничение: князь очень важная фигура в суде, в совместном суде князя и посадника, но он не имеет права принимать окончательное решение без санкции посадника, посадник контролирует действия князя в суде. И третье, самое важное ограничение: князь и его дружина, его люди не имеют право собирать какие-либо государственные доходы на территории Новгородского государства. Это могут делать только сами новгородцы, а князю они дают так называемый дар, то есть, определенный процент от собранной ими суммы, они как бы платят зарплату князю за то, что он выполняет какие-то свои обязанности. Возник вопрос: а к какому времени относятся эти ограничения? Из летописи мы знаем, что Ярослав Мудрый, когда ему помогли новгородцы овладеть Киевом в борьбе с Святополком Окаянным, дал новгородцам некоторые свободы. Многие считали, что именно к этому

времени относится происхождение некоторых ограничений княжеской власти. Мы этот вопрос смогли исследовать при помощи берестяных грамот и выяснили: ограничения князя в суде и сама организация совместного суда князя и посадника относятся ко времени не раньше 1117-го года, когда сын Владимира Мономаха Мстислав ушел в Киев, своего сына Всеволода оставил в Новгороде, тогда и было принято решение о создании совместного суда, это позднее ограничение. Другое ограничение – нельзя владеть землей на основе частной собственности. Частная собственность на севере на территории Новгородской области возникает только на рубеже 11-12 века, то есть, тоже довольно поздно». И далее (Ibidem, 24-08-03): «Со времен Карамзина, с его "Марфы Посадницы" установилось широкое представление о демократизме новгородского вечевого строя. Как он пишет: "Ударил в набат вечевой колокол, и десять тысяч народа прибежали на площадь для того, чтобы обсуждать свои дела". То есть, якобы все население Новгорода участвовало в этом вечевом собрании. Николай Михайлович Карамзин никогда не водил экскурсии студентов по Новгороду, а мне доводилось это достаточно часто делать. Я знаю, когда идет на экскурсию человек 60, то тем, кто стоит подальше, им приходится переспрашивать, или мне до предела напрягать голос, чтобы они меня услышали. Представьте себе: вечевая трибуна, на ней стоит посадник или боярин какой-то, а вокруг десять тысяч народа. Само по себе это нонсенс – представить десятитысячное собрание вечевое. Письменные источники немецкие 14 века называют новгородские вече "тремястами золотыми поясами", то есть, они говорят, что триста человек

участвовало, триста богатых золотых поясов участвовало в этом вече. Мы, археологи, исследовав топографию того места, где вечевое собрание было, обнаружили, что это небольшая площадь, вместимостью от силы пятьсот человек. Что такое пятьсот человек? Это пятьсот богатых усадеб. В Новгороде на всей территории насчитывалось примерно 500 богатых усадеб. То есть, это дворовладельцы, бояре, зажиточные люди – вот они и были участниками вечевого собрания. Известно было, что на вече они не стояли, а сидели. Но существует очень существенное отличие от, скажем, итальянского сената, который собирался во дворце, под сводами, так сказать, это было закрытое собрание, на котором откровенно обсуждались все дела, касающиеся государственности, а новгородское вече собиралось под открытым небом. Его могли обступать люди, сидеть на деревьях, на крышах домов, и могли криками поощрения или возмущения участвовать в вече. Это немножко было похоже на начало 90-х годов у нас, когда собрание могло переходить в митинг. Они ощущали свою причастность к государственным делам, они были грамотными людьми в основной своей массе, и отсюда возникает тот взлет новгородской культуры, с которым мы знакомы. Свободные люди, они пишут прекрасные иконы, пишут прекрасные фрески, строят великолепные церкви».

3. **Спасительная регионализация православия от Эфиопии до Грузии и Бурятии.** Дело в том, что регионализация мировых религий, наряду, как ни странно, с их же глобализацией (но только – мирной, и тогда это уже не очень странно), есть один из векторов экуменической эволюции религий,

сиречь смягчения воинственной риторики оных. Недаром, чем дальше православные конфессии и толки от диффузионного влияния «Третьего Рима», тем меньше в них элементов ксенофобии и шовинизма, тем слабее убежденность в своей этноконфессиональной исключительности. Если грузинское православие – при ПОЛНОМ соответствии ДОГМАТАМ РПЦ – на уровне КАНОНА существенно мягче и более открыто (в том числе потому, что на 600 лет древнее), то эфиопское православие – не путать с эфиопскими монофизитами – на уровне КАНОНА напоминало и напоминает скорее первобытное христианство до схизм, чем ритуалистику РПЦ. Это крайне продуктивная тема – и не только для православия – КАК ПРЕОБРАЗУЮТСЯ религии В ЗОНАХ КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ... Экуменическая эволюция религий, и почему она не противоречит регионализации конфессий, об этом наиболее откровенно высказывается всё та же Баронесса Тэтчер, которую мы уже цитировали выше в связи с проблемами глобализма. Смягчение фанатического импульса идёт, как за счёт размывания границ, так и за счёт обрастания религии традиционностью, сиречь перехода к институтам локальной (конкретной) ответственности. Тэтчер говорит о соотношении нации и глобализации. Симптоматично для антиглобалистов: их аргументы обращаются в контраргументы против них же. На примере религии видно, что глобализация не противоречит регионализации: глобализация снимает проблематику агрессивности т.н. национальных религий, выводя их на конкурентный уровень, а регионализация вписывается в глобальный проект, делая «национальную окраску» религии предметом

всеобщего интереса. Нация как толерантность: сохраняя национальные своеобразия, мы сохраняем творческий потенциал народов, креативность гетерогенности, что ведёт к пониманию конструктивного значения отличий, а это уже ценность глобализма. Нация как колыбель фритреда: чем меньше государства, тем больше нации (творческого духа народа в его самостоятельности). А живая и свободная торговля возможна в полноте своей только вне государственного вмешательства, сиречь – на межнациональном уровне. Нация и электоральность: самый принцип выборности и, стало быть, подотчётности депутатов избирателям, легче осуществляется на национальном уровне, чем, скажем, в отношении бюрократов ООН и ЕС. Нация и независимость судей: 3 власть также более независима, а потому эффективна до того, как судьи превращаются в носителей абстрактного критерия справедливости на значительном удалении от места событий. Особенно болезненно решения лишённых чувства контекста наднациональных трибуналов сказываются, понятно, в аспекте уголовного права. Нация и общественное мнение: косвенность связи исполнительной власти с избирателем становится для наднационального бюрократа настолько косвенной, что теряется. И, наконец, самое главное – нация и «ход вещей»: то, что переживается в национальном опыте, в некоем единстве экзистенций, несопоставимо ни с чем по достоверности и человечности (только при этом условии декларативной демократии заступает демократия уклада, что пронизывает уже все сферы и слои общества). Baroness Thatcher, Margaret, opus citatum, pp. 1-62, 320-466.

4. **Мы всё ещё не общество мёртвых поэтов.** Что жаль, искренне жаль. Культурологи давно уже отметили исторически прослеживаемую связь между деспотическими моделями правления и ренессансами «высокой» культуры. Мы не случайно оговорились, ибо поп-арт (диффузия культуры в средний класс) характерен как раз для демократий. Наоборот, помешанные (потому, что **ЗАМЕШАННЫЕ**) на риторике деспотии поддерживают, словно отвечая поклоном на известный совет Фрэнсиса Бэкона, почти исключительно культуру элит. Особенно ценится, конечно же, «высокое» искусство выражения лояльности. Это обратная сторона Слова – обратная сторона Логоса – когда чрезмерный акцент на словесное мифотворчество рационализируется в виде государственной машины. Однако и здесь существует ниша, позволяющая поэтам освободиться от нежелательного опекуства. Возьмём прорыв лингвальных поэтов в эстетизацию этики: упоение красотой **ФОРМЫ** привело к толерантности, так как именно универсальность и абстрактность формы позволяет людям общаться, не поступаясь **СОДЕРЖАНИЕМ** индивидуальности. Свобода выражает себя в т.ч. словом – потому первична.
5. **Местничество и аспатиальность** (по Леониду Смирнягину, д. г. н., МГУ), теория малых дел и малая родина. **Феномен Третьей культуры** (Данилевский, ..., том 1, стр. 212-216). **И влияние оной на русский духовный космос** *exceptis excipiendis* (Данилевский, ..., том 1, стр. 217-282). Компоненты третьей культуры (ахристианской и околохристианской неязыческой культуры города): мистицизм, культура балагана, элементы эллинизма, апокрифическая культура, городская

книжность, ярмарка, лубок и популяризация естествознания, не только приобщали со времён Классического Средневековья русскую культуру к европейской городской культуре, но и созидали (задолго до эры СЕКУЛЯРИЗМА) альтернативную культуру супротив официозной и языческой ОДНОВРЕМЕННО. Чрезвычайно трудно переоценить всю важность этого глубинного процесса взрыхления культурной подпочвы России. Не выросла ли и литература из него частично? По крайней мере, для западноевропейской литературы, как показали работы академика М.П. Алексева ещё 1940-х гг., это было именно так. Vide: Алексей М.П., Жирмунский В.М. et alters «История западноевропейской литературы: Средние Века и Возрождение», М., Academia, Высшая Школа, 1999, стр. 79-110, 114-146, 228-258; Алексей М.П., Дживелегов А.К., Аникст А.А. et alters «История Английской Литературы», том 1, выпуск 1, Ленинград, Издательство Академии Наук СССР, 1943, стр. 93-95, 242-257, 258-379. Неофициальное христианство через посредство апокрифики примыкало к Третьей Культуре. Статус сексуальной жизни (культура секса –гигиена секса – эстетика секса –секс для удовольствия –душевное измерение секса –культура секса), как и, стало быть, статус женщины и детей, были настолько выше в Третьей Культуре супротив официальному православию и язычеству, что догматизм и наивный витализм последних оказались в проигрыше, стоило только возникнуть вызовам Нового Времени. Городская же культура выступала против дидактизма любого рода. Городская культура (когда благодаря теории малых дел возникает культура ответственности, и преображённое этим социальное

пространство манифестируется в идее малой родины) служила как бы балансировкой для фольклорно-символического мышления, агрессивный «идеализм» (культ идеалов) коего, напротив, разрушал социальное бытование (или примитивизировал его). Так, иконопись выступала во всей строгости... иллюзионизма (жёсткие правила уже не предметности, а мифологического топоса). Аспатиальность культуры (нежелание культивировать жизненное пространство вокруг себя) делала нас рабами больших пространств. И так далее. Без городской культуры отношение к язычеству по принципу «всё –или ничего» обернулось бы его ренессансом (месть непреображённого прошлого).

6. **Открытие А. А. Зализняком псковско-новгородского диалекта XI-XII веков. См. расширенное на треть переиздание его классического труда 1995 года «Древненовгородский диалект», М., Языки Славянской Культуры, 2004.** Этот пример –этот феномен –яркое свидетельство триумфа исторической психолингвистики. Если какой-то субэтнос отличается от этнической основы (точнее –в нашем случае –одна её часть от другой) ментально, по психологическим установкам, то необходимо (в силу закона о единстве языка и мышления Л.С. Выготского) и по языку. О том же говорит и колоссальная устойчивость диалекта, каковой, несмотря на значительный рост ассимиляционных процессов с XVI по XVIII вв., ещё более раннее влияние Ростова и Суздаля и постепенное смещение отличий из грамматики в лексику, не исчез и до сих пор. (Подробнее на этнографическом и этнопсихологическом материале см. академический сборник «Русский Север», ..., стр. 120-130.) Конечно, в наши дни культурные слои финно-

угорского, контактного и новгородского периодов представлены в основном в топонимике и вообще ономастике региона –от границы с Норвегией до Ямала и на юг до Ярославля –но даже эта репрезентация в высшей степени иллюстративна, так как большая мера взаимопроникновения корней и аффиксов говорит не просто о раннем, но до освоения Сибири МИРНОМ характере контактов. Знаменитое новгородское цоканье («ц» как палатальная и дентальная аффриката) и оканье (лабиальное) словно бы выражали на уровне языковой ритмики то, что закладывалось на уровне ритмического рисунка в картине поведения и в образе мышления: динамизм, чувство красоты, гуманность, широта, открытость, но одновременно и внимательность, минорность (эмоциональная опрятность, в отсутствие ложной аффектации). Фоносемантические корреляты см.: Воронин С.В. «Основы фоносемантики», М., Ленанд, УРСС, 2006, стр. 39-109 [расширенный автореферат докторской диссертации 1982 года]. Разумеется, это отсылает нас к проблеме антропологического типа...

7. Существует, как я указал выше, даже особый, 4 антропологический тип восточных славян в этом, северо-западном, регионе России (Данилевский, ..., том 1, стр. 37). Проблема антропологического типа очень напоминает нашу проблему –если историка политической философии беспокоит МЕРА влияния культуры на политику, то антрополога –МЕРА корреляции конституционального типа и поведения человека. Если и здесь сразу отсечь любые расистские доктрины, то в золотом осадке останется знаменитая теория Кречмера, который, будучи умеренным, добропорядочным немецким психиатром, выросшим в атмосфере протестантской

науки, выводил из своего обширного медицинского опыта не детерминацию психики конституцией, а только влияние последней на первую (отсюда – знаменитые кречмеровские типы как суть типы ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЕЙ). Психология же профессиональной деятельности ещё со времён Фехнера показала возможность и обратного влияния психеи на сому (разумею, конечно же, психомоторику, психофизику и психотипы). Таким образом, верно не только то, что антропологический тип русского Северо-запада мог влиять на поведенческий рисунок древних новгородцев, но и то, что поведенческие установки последних могли в ходе веков элиминировать одни психотипы в пользу других. В итоге, несмотря на весь вариетет субэтносов, учёным удалось выделить наиболее характерные черты новгородцев и их потомков. Это такие качества, как моторность, мобильность, чувствительность, энергичность, предприимчивость, работоспособность и гордость. Сюда же примыкают такие качества, как сила (в том числе –воли), ловкость, проворность, сметливость, прямота, открытость, честность, склонность к наукам, сговорчивость (но не бесхребетность). Очень подробно см. «Русский Север» (I bidem).

8. Роль иностранцев вообще. Парадоксы внешней политики Ивана Грозного. Сводку о влиянии иностранных мемуаров о России на генезис русской литературы см. у академика М.П. Алексеева, «Русская Культура и Романский Мир», Л., Наука, 1985, стр. 5-169, 338-372; «Сравнительное литературоведение», Л., 1983, вся книга; «Английская Литература», Л., Наука, 1991, стр. 389-413; «Вильям Рольстон», СПб., Наука, 1994. Тот, кто был в высшей степени нетерпим

религиозно, искренне интересовался всеми фракциями протестантизма и охотно вступал в религиозные диспуты (в том числе персональные, но всегда – публично). Тот, кто подавил оппозицию самым жесточайшим образом, полемизировал с её лидерами посредством печатного слова. Тот, кто слыл (и был) богохульником высшей пробы, набожность имел самую трепетную. Тот, кто довёл (в том числе, извините, личным участием) унижение женского достоинства до страшного даже по меркам средневековой Руси уровня, уничтожал своё ближайшее окружение за то, что его первая (и последняя же) любовь была уничтожена царедворцами. Тот, кто превратил новгородские порядки в пепелище, стоял у истоков отечественной дипломатии, открывая посольства западноевропейских стран в Москве. Вообще говоря, иностранцы, словно некое волшебное зеркало, живо интересовали Иоанна Грозного. Именно к нему, на мой взгляд, надлежит возводить тот дуализм, что столь свойственен нашим политикам. Никакая ксенофобия не мешала российским государственным деятелям обращаться с иностранцами в России лучше, чем с собственным населением, параллельно смешивая их с грязью на уровне риторики политиканов. Все проклятия сводились к поиску иностранных ведьм (или их приспешников – коллаборационистов). Все грёзы и упования обращались к ним же. И.В. Сталин не напрасно усмотрел именно в этом царе МОДЕЛЬ всей русской имперскости Нового Времени. К тому же XVI веку восходит и традиция иностранных мемуаров о России. До ОПРЕДЕЛЁННОГО времени – критических. Очень чутко и Чэнселлор, и Флетчер, и Герберштейн (как потом Дюма-отец и де Кюстин)

смогли уловить именно цивилизационные и культурные отличия России от Европы, открыв, тем самым, первую страницу в истории восприятия иностранцами России и в истории иностранцев в России. Не будет откровением сказать, что довольно радикальная смена вектора восприятия России иностранцами в романтические «красные 1930-е» произошла ПОСЛЕ того, как в эпоху махрового шовинизма при Александре III и Николае II иностранцы на госслужбе подверглись неявному остракизму. Во всяком случае, эпоху эту трудно сравнить с эпохой XVI–XVIII вв., когда судьба иностранцев – будь то в деловой сфере или на госслужбе – была более завидной и количественно, и в плане качества жизни. После последней вспышки при Павле I начался долгий, но неумолимый процесс выдавливания всего иностранного из нашей жизни. Кульминация этого процесса – сталинизм, когда коммунисты вернулись к средневековой практике Древней Руси, и люди могли быть арестованы только за несанкционированное общение с иностранцами. Один из основных концептов православия – каноническая территория – усугублял проблему неимоверно. Под ксенофобию подводилась база мифологии. Вот почему в отношении восторгов, каковые высказывались о СССР левыми интеллектуалами Запада в 1930-е годы, достаточно вспомнить одну пословицу. Как говорят французы, «отсутствующие всегда не правы». Впервые в истории иностранец написал по-русски мемуары о России только в... самом начале XXI века – итальянский славист Марио Корти («Дрейф», М., «Вагриус», 2002).

9. **Фактор Польши и Западной Украины. Педагогика. Раскол.** Это воистину **ОСОБЫЙ** пункт, ибо роль

порезформенной педагогики для либерального проекта в России едва ли не является ключевой. Проблема в том, что благодаря научным открытиям в области системной психофизиологии и нейрофизиологии памяти (тотальность памяти, механизмы хранения и воспроизведения информации, интегральность функциональных систем организма) мы теперь знаем, насколько целостен человек, но мы знаем и цену этой целостности. Склонность среднестатистического россиянина к вертикальной модели власти и культуры не «падает с неба», но и не является только итогом приобретения знаний и/ или опыта. Человек, воспитанный в рамках запретительно-разрешительной «культуры зависимости» (Тэтчер), в рамках вертикальной модели патерналистских отношений, уже к подростковому возрасту воспринимает либеральную парадигму поведения с величайшим трудом. Ценностные категории свободы, ответственности, эмоциональной зрелости, личной совести и доверия не формируются как системообразующие для личности. Ведь самооценка и самосознание, как известно, закладываются к излёту кризиса 7 лет. Опасность патернализма *par excellence* в его воспроизводимости состоит: роль отца позднее, по мере социализации личности, начинает играть учитель, потом супруг/ супруга, потом начальник, потом политик, государство в целом, духовник и так далее до бесконечности. Деформация личности по этой линии колоссальна. Вот почему без педагогической реформы младшей и средней школы, без внедрения либертарных моделей воспитания (например, методик Монтессори), трудно даже уповать на бесконечные дискуссии о «русском выборе и пути». Мы спорим,

по сути, не персонально с государственниками и славянофилами, а с архетипами древнейших мифологем, каковые поколениями внедрялись в наше подсознание. Негативному мироощущению зависимого, недоверчивого и закрытого человека можно противопоставить только мироощущение же, но позитивное, доверительное и открытое. Однако возвращаемся к историческому аспекту. С XIV века перемещение украинского и белорусского народов на орбиту славянского католицизма имело мощнейшие последствия для развития русской культуры, будь то педагогическая наука, богословие, переводческая культура или медицина, и библиография этого вопроса настолько разрознена, что заставляет искать к тому объяснения сугубо идеологического порядка. В самом деле, более или менее достоверные сводки по отдельным аспектам этой проблематики, которая совершенно не вписывалась в теории русской исключительности, можно найти только в специальных исследованиях (Б.М. Мирский, академик М.П. Алексеев, а именно: Мирский М.Б. «История хирургии», М., Наука, 2000, стр. 140-187, 198-443; Алексеев М.П. «Русская культура и Романский мир», Л., Наука, 1985, стр. 5-169; он же «Пушкин и мировая литература», Л., Наука, 1987, стр. 362-401). Вообще говоря, я полагаю, что история католичества на Украине и в Беларуси – типичный пример «замалчивания темы» в науке под прессингом идеологического – сперва советского, потом неоимперского – диктата. Между тем, благотворительная и просвещенческая деятельность католических орденов (от восходящих к Крестовым Походам до иезуитов) в этом регионе породила не больше не меньше, как рецепцию

западноевропейской схоластики (собственно ли богословской, педагогической ли) либеральной частью православного клира. Современное, мучительно идущее, но всё же идущее, осознание украинцами своей европейскости восходит к той исторической фактологии, что самая народность украинская складывается между указанным XIV веком и Брестской унией 1596 года. До триумфа Богдана Хмельницкого в 1654 году слишком много воды утекло, да всё больше на мельницы межкультурных контактов (Рим - Польша - Литва - Правобережье Днепра), что и поныне Украина не то чтобы раздираема проблемой кентавра (Европа она всё же или Азия, или всё вместе?). Аналогична спасительная противоречивость и белорусской истории: XIII век - эти земли под Литвой (вспомните фундаментальное значение именно этого века в истории католичества и западной мысли вообще!). С 1569 - под эгидой Речи Посполитой: а ведь именно в XVI веке идёт завершающий этап латентной фазы белорусского этногенеза. Беларусь выходит на орбиту России только к концу XVIII века, то есть, тогда же, когда и Днепровское Правобережье. Чтобы уже в 1863-1864 годах белорусы приняли участие в польском восстании... на стороне поляков! На изломах цивилизаций рождались нации с противоречивой, но провокативно контрадикторной историей: в отличие от России, пропорция противоречий аппроксимировала здесь критическую массу, и вестернизация быта и культа шла по ту сторону Брянских лесов куда глубже и быстрее. Мы уже говорили о вкладе некоторых сектантов и раскольников в либерализацию русской ментальности (ренессанс гнозиса и фритреда у

раскольников в конце XIX века, легитимация же оппозиционности –с самого начала), но нечто аналогичное можно сказать и о роли католиков (она освещена меньше, чем роль протестантов, так как последние ассоциируются в основном с именем Петра Великого). Уния с римо-католиками 1596 года вымостила путь к институции, которая, с учётом генетической её связи со Славяно-греко-латинской Академией в Москве (1 Академия России, 1687-1814), является едва ли не завязью отечественной педагогики. Киево-Могилянская Академия (1632-1817, обратите внимание на то, что преобразование 2 Академий относится к заре державности поздних Романовых): она восходила к доминиканским и иезуитским школам, коих уже к началу XVII века было 10 (коллегий). Первые учебники были либо переводными, либо писались по образцам учебников католических коллегий Польши, что было до известной степени неизбежно, учитывая 2 революции католического богословия, которые вывели его на неслыханные рубежи (XIII и XVI века), и рецепцию античной философии и науки в более чистом виде именно католичеством. Преподавательский корпус КМА также (особенно в первый век работы) включал иностранную профессию, в том числе из Львова, Польши и германских княжеств. Книги в библиотеке служили, опять-таки, хорошей иллюстрацией повышенного внимания основателей к западной учёности в области логики, педагогики, естественных наук. Под православную риторику (и даже на фоне действительно значительного представительства курсов православного богословия) проводился главный принцип западного университетского движения –акцент на языки, естественные науки и

философию (пропорции эти в куррикулуме могли меняться, но не главная тенденция **СЕКУЛЯРИЗАЦИИ ИСПОДВОЛЬ**). Западные образцы, таким образом, проникали как в предметы, так и, главное (главное – с позиций современного науковедения), **МЕТОДЫ**, будь то методы преподавания или методы собственно научного приложения. Разнообразие языков, на которых преподавали и которые преподавались, обнимало все основные европейские языки (включая, конечно же, классические). Автономность Академии (1-ая автономная православная академия в католическом мире в целом) была утверждена Сеймом через 5 лет (!) после отпадения Левобережья. Выпускниками её были (не больше – не меньше) Г. Сковорода, Стефан Яворский и Феофан Прокопович, братья Шумлянские и Нестор Амбодик. Ещё одна черта, не то чтобы характерная для российского, зависимого от Синода, преподавания, культивировалась там: театр и вертеп. Не просто досуг: они развивались художнически.

10. **Наука вообще. Медицина.** XVII век – век очень плотных контактов между западными врачами и российскими врачами после открытия российской медицины в самом конце XV века западным влиянием. Смута перед воцарением Михаила Романова, хотя и затронула едва ли не все сферы российской жизни, не свернула главной тенденции, каковая **ВЫГОДНО** отличала нашу медицину и в Средние Века. В результате чего история отечественной медицины стала ещё одним вектором, который воплощал возможность альтернативы к общему вектору российской истории. Мы имеем в виду тот поразительный факт, давно отмеченный историками медицины, что хирургия в России почти

никогда не шла в разрез с общей терапевтической культурой и не противопоставлялась феноменологии медицины (НЕХИРУРГИЧЕСКОМУ лечению любого вида и порядка от психотерапии до фитотерапии). Это – мост к особой роли у нас науки вообще, так как снятие искусственной проблематики хирургия – терапия – не менее, но и не более чем частный случай общенаучной проблемы картезианского дуализма. Если прогресс западной медицины вплоть до конца XIX века сдерживался нежеланием понять корреляцию механизмов жизни (хирургия) и феноменов жизни (профилактика, диагностика, терапия), то на Руси этого препона не существовало С ДРЕВНОСТИ. И это притом, что запрет на вскрытия держался и у нас не меньше. Монизм, присущий российской медицине, оказался настолько благотворным, что ни традиционная фобия носителей фольклорного сознания перед «магизмом» медиков, ни тем же обусловленное недоверие к иностранцам не свели на «нет» ни огромную роль валеологии, ни мощную переводческую традицию, ни понимание естественных ограничений в силе любой терапии. И это – только один из тысяч примеров, как именно трезвость, онтологическая этика русских естественников частенько приводила их в нестройные ряды русских либералов. Очень подробно см. Мирский М.Б. «История хирургии», М., Наука, 2000, стр. 112-187, 198-300, 362-443.

11. **Феномен Санкт-Петербургской культуры.** Его двоякую роль в попытках реализации у нас либеральной альтернативы так обобщает Соломон Волков, автор фундаментальной «Истории Культуры Санкт-Петербурга: от основания до наших дней» (1995), один из крупнейших ныне американских

музыковедов и культурфилософов. «Вспомним, однако, что имперская тема всегда явственно присутствовала в петербургской культуре, начиная с первых панегиристов Петра Великого. Немало вызывающе имперских высказываний можно найти в сочинениях Пушкина. Имперские интонации легко обнаруживаются во многих великих музыкальных произведениях Глинки, Мусоргского, Бородина, Чайковского. Одним из выдающихся имперских бардов был расстрелянный большевиками в 1921 году Николай Гумилёв. Размышления об империи занимают важное место в стихах Бродского. Это естественно, учитывая уникальное географическое положение России, необозримость её пространств, величину её многонационального населения и многовековую историю тесных взаимоотношений с соседними народами. Россия всегда тяготела и, вероятно, будет тяготеть к имперской позиции. Важно другое: будет ли это «имперское» начало осознаваться и проявляться через грубую силу или же через культурное влияние и взаимовлияние, при котором, как писал Лев Гумилёв, «за каждым народом сохраняется право быть самим собой». Как комментировал Бродский, от имперских эксцессов «попытаться спастись можно только культурой, ибо культура одна превращает вас в цивилизованного человека, который впоследствии и порождает демократическую систему». О том же говорил Битов: «И демократия – это работа, и свобода – это работа. Причём работа каждого. Скепсис – самое пошлое, что сейчас может быть, особенно в позиции интеллигенции». Роль Петербурга и петербургского мифа в этом дрящемся, медленном и моментами мучительном процессе огромна. Одной из амбиций города, о [чём] теперь стало возможным

говорить открыто, является его желание быть духовной столицей или, по меньшей мере, культурным арбитром новой России. Мощным фундаментом для подобных, отнюдь не беспочвенных, притязаний является блистательное культурное прошлое Петербурга и его уникально-трагическая судьба, трансформировавшиеся в завораживающую мифологическую ауру города. Проблема состоит в том, что духовные импульсы Петербурга, возникшего внезапно, по прихоти тирана, и развивавшегося рывками, в конце концов, остаются непредсказуемыми. Многим в Петербурге хотелось бы видеть его якорем для западно-ориентированной России, но при неблагоприятных обстоятельствах город может также превратиться в заблудившийся «Сумасшедший корабль», каковым он представлялся растерявшимся и потерянным русским интеллектуалам в грозные годы коммунистической революции. Корабль – это часто символ поисков нового, но в образе «Сумасшедшего корабля», увы, сильнее всего проступают коннотации опасного одиночества, безнадежной оторванности от реальности и цивилизации, капитуляции перед натиском мрачных иррациональных сил. Выстроенный на острой грани между порядком и хаосом, Петербург всегда готов провалиться в тёмную бездонную пропасть, увлекая за собой всю страну. Вариации на эту эсхатологическую тему звучат в произведениях Гоголя и Достоевского, слышны в музыке Чайковского. Любому читателю «петербургских текстов» знакомо ощущение леденящего ужаса: словно он, разбежавшись, остановился внезапно у края крутого обрыва. Русский религиозный историк и философ Георгий Федотов, умерший в Нью-Йорке в 1951 году, в

своём пронизательном эссе о Пушкине, озаглавленном «Певец империи и свободы», предложил оригинальную интерпретацию одного из центральных образов поэмы «Медный всадник» – наводнения, грозившего затопить Петербург. Георгий Фёдоров справедливо заметил, что в изображении Пушкина это наводнение предстаёт почти живой, злой силой. Философ провёл параллель между дикой стихией и змеем, которого попирает возвышающийся в центре города Пётр Великий на вздыбленном коне: «змей или наводнение – это всё иррациональное, слепое в русской жизни, что, обуздываемое Аполлоном, всегда готово прорваться: в сектантстве, в нигилизме, в черносотенстве, бунте. Русская жизнь и русская государственность – непрерывное и мучительное преодоление хаоса началом разума и воли». В этом противоречивом, запутанном, отнюдь не всегда поступательном движении к далёкой цели никак не обойтись без помощи петербургской культуры, по крайней мере, той её линии, основные признаки которой лапидарно сформулированы Бродским: «Трезвость сознания и трезвость формы; вызванное духом места и архитектурой места стремление к свободе; эстетический стоицизм и мысль о том, что порядок важнее, чем беспорядок, сколько бы последний ни был конгениален нашему ощущению мира... Это тот случай, когда декорации как бы детерминируют репертуар актёра. Проблема заключается лишь в том, что это за актёр и как он подготовлен к этой декорации и, соответственно, к своей роли (попутно Бродский формулирует кредо всей своей поэтики – эстетика порождает этику толерантности, а не наоборот, универсальность красоты (формы) спасает мир – М.М.)» (М.,

Издательство «Независимая Газета», 2001, стр. 525-527).

12. **Пётр I, Елизавета I, Пётр III, Екатерина II, Павел I.** XVIII век – это русское “lost cause”. Отмеченную нами выше дуальность реформ Петра (благая интенция была реализована в традициях азиатской деспотии) унаследовали все эти выдающиеся реформаторы. Тем более значимы либеральные их достижения: и лишь с ходом времени они всё более напоминали символы свободы, скорее, чем социальные практики. Относительная секуляризация при Петре I не привела, будучи схваткой государственного аппарата и церковного аппарата, к демонтажу цезаропапизма как психологического явления, в том числе – в приватной жизни. Отмена смертной казни Елизаветой I вернула дворянам достоинство приватности, честь и рефлексивность особой ответственности элит. Вольности дворянам Петра III, пусть они и привели к, фактически, зарождению русской интеллигенции (несервильных вельмож совести) во время восстания декабристов, НЕ привели, однако, будучи скопированы с прусских моделей, к развенчанию сервильности как таковой. Протопарламентские проекты Екатерины Великой были обрушены потёмкинщиной при ней же и автократизмом поздних Романовых. Павел I был бы готов идти дальше, но его остановили при попустительстве наследника... Религиозная толерантность Павла, охватившая едва ли не все ведущие системы того времени, от масонства до учения госпитальеров, была вызывающей даже для почувствовавшего вкус к свободе и любимого им высшего офицерства. Самый образ Павла – человека импульсивного и одновременно рефлексивного –

дисгармонировал с архетипом царя как полубога. Крайне красноречиво и сравнение его символистского мистицизма с мрачным православным мистицизмом Александра I... На мой взгляд, наибольший вклад в разработку психологии русского царизма и проблемы «исторических качелей» реформаторы –реакционеры на троне внёс Эдвард Радзинский (см. его «Три царя», М., АСТ, 2008; idem «Кровь и призраки русской смуты», М., Вагриус, 2005).

13. **Александр II и Герцен.** Эта оппозиция сколь драматична, столь и характерна для истории России. Это вечное противоборство испугавшегося собственных реформ царя и непонятого народом на собственной родине реформатора почти архетипично. Польша Александра II –это Чечня Бориса Ельцина. Там они похоронили свои реформы, начатые, увы, не там. Как Михаил Горбачёв мечтал о «социализме с человеческим лицом», не предлагая демонтировать коммунизм полностью, так и Александр II и Борис Ельцин ушли с головой в... паллиативные реформы, отменив рабство экономическое, не отменяя рабство политическое, рабство перед властью –прежде всего. Герцен же –скорее уникальная, чем типическая персоналия. Он не принял сторону народников и, вместе с либералами, отошёл от «Современника». Но он и не разделял либеральных восторгов начала 1860-х, предрекая реакцию. Сбылись именно его прогнозы, когда, подавив польское восстание в 1864 году, Александр в том же году покорил Кавказ (трудно указать в истории России любую иную войну, в ходе которой жестокость нашего солдата была бы столь же запредельно бесчеловечна и столь же

обезоруживающе позорна), а через год –казахские племена (завоевания в Средней Азии шли вплоть до убийства царя в 1881 году). Вместо благодарности пророку, на Герцена посыпались обвинения в том, что он затравил реформаторов в правительстве Александра II и самого царя, требуя... невозможного (sic!). Но Герцен слишком хорошо знал историю России, с одной стороны, и природу власти, с другой: он понимал, что свобода либо распространяется повсеместно, без анклава несвободы в виде недостижимой для критики власти, либо, возникнув на короткий срок в одной из сфер (деревня), она почти тотчас потонет во лжи. Обширнейшую публицистику А.И. Герцена см. в его ПССиП: под ред. М.К. Лемке, М., Пг., Л., ГИЗ, 1919-1925, в 22 томах. О спорах Герцена со своими друзьями из либерального спектра о перспективах реформ начала 1860-х см. ПССиП И.С. Тургенева, под ред. ак. М.П. Алексеева, М., Л., СПб., 1978-2015, в 12+18 томах, ПСП, тома с 3 по 7 (академические комментарии к письмам к Герцену, Боткину, Анненкову, Фету, Борису и Графине Ламберт).

14. **Русские экуменисты и судьба русских либералов.** Русское диссидентское движение крайне любопытно преломляется именно на отношении к нему власти: какие бы страницы истории мы не взяли (Смуту ли XVII века, петровские реформы, народников и либералов XIX века, кадетов и большевиков в XX веке, в том же веке фракционную борьбу в ВКПБ, или неолевых и демократов при Путине), власть подавляет оппозицию как **ОППОЗИЦИЮ** именно, единственно как **ОППОЗИЦИЮ**. **ХАРАКТЕР** одной вторичен для авторитарной власти: угрозу она видит в самом

отказе её обслуживать. Именно этим во многом и объясняется тот факт, что наши диссиденты (справа ли, слева ли) столь часто шли на компромисс с властью, оправданно то было или нет. Если да (как с вольнодумцами времён Екатерины II), то оставался цельным самый остов власти, ЕГО недостижимость для критики (антиреспубликанизм). Если же компромисс с властью не был оправдан (как с кадетами при Николае II), тем хуже: власть испытывала новый виток легитимации самой себя, показывая «несостоятельность» оппонентов. И это воистину зловещий ход власти: оппоненты её в таких условиях вынуждены либо переходить на маргиналии истории (если оппозиционность превращается для них во вторую профессию), либо уходить во власть, но ценой такого компромисса, за которым исчезает всякая творческая, живая мысль. Сегодня эпонимом первой модели служит Г.А. Явлинский, а эпонимом второй – А.Б. Чубайс. Или (из коммунистов) – В.А. Анпилов и Г.А. Зюганов – соответственно. Интересен, однако же, сам феномен оппозиционности, который вобьтийствовал у нас, давно и навеки, НЕВЗИРАЯ на всё вышеуказанное. Происходила неизбежная регенерация живой ткани свободы вокруг (а иногда и внутри) властных кругов, так как основные стрелы критики летели, увь, именно во власть: многие диссиденты не осознавали, что адресация эта показывала их как игроков не их игры... – критики власти уповали на неё же! Религиозные же диссиденты (от экуменистов до филипповцев), с учётом инкультурации православия, особую роль играют: ибо они призваны показать (пускай по-разному) всю вредоносность общественной, институционально экспансивной и морализирующей религии для

построения открытого и технологически развитого общества XXI века.

15. **Искусство: балет, авангард, литературные диссиденты.** Искусство, если угодно, это высшее проявление того подхода к межнациональному диалогу, о котором я уже не раз писал в связи с ролью **ФОРМЫ** (в противовес **СОДЕРЖАТЕЛЬНОМУ МОМЕНТУ**) в гуманизации человеческих отношений вообще. Наряду с хай-теком, спортом и фри-тредом (в древности – магия, спорт и негоциация), искусство всегда служило к утолению жажды свободы. Не требуя от человека или нации или государства поступаться личной идентичностью, основная идея демократии (**ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕЯ**) проникает поначалу на уровне **ФОРМЫ** и провоцирует индивидуумы на **СОБСТВЕННОЕ** заполнение оной тем или иным содержанием, касается ли это моды, коммерции или архитектуры (назовём это мультипликацией «квадратов Малевича»). Особый интерес тогда – это судьбы искусства в тоталитарных странах. Они, как я уже писал в п. 11/4, двояки: это не только своеобразный тайный (впрочем, не всегда) союз деспотии и высокого искусства (креация иллюзионизма – их общая цель), но и, наоборот, вызревание подлинной эстетической оппозиции власти (когда *underground*, на разных этажах своих, противопоставляет официальной высокопарной мертвечине или даже высокохудожественно поданному компромиссу живое искусство). Здесь, как и в случае с экуменической эволюцией религий в условиях глобальной экономической парадигмы, интересна самая регенерация жизни и жизненной силы после кровавых, но в целом тщедушных попыток закабалить её. Подобно тому, как религия в

современной цивилизации индивидуализма, светскости и рекламы всё более вытесняется туда, где и должна быть (в privacy), искусство тоже выходит на горизонт частной жизни и постепенно подтачивает камни мертворожденных схем всеобщего счастья (безотносительно – коммунистического или теократического). Я не знаю, переживут ли многие слащаво-сентиментальные апологеты русской Империи тот факт, что последний их бастион (высокое искусство Империи) – такая же ложь, как и всё прочее имперское наследие (сервильность и затратность высокого искусства были залогом его нравственного вырождения), но я твёрдо знаю, что меня куда более заботит судьба тех миллионов (жизней и денег), что были отданы во имя этой всеподавляющей красоты Империи. Христианский долг диктует выбор поп-арта, если иное требует человеческих жертв.